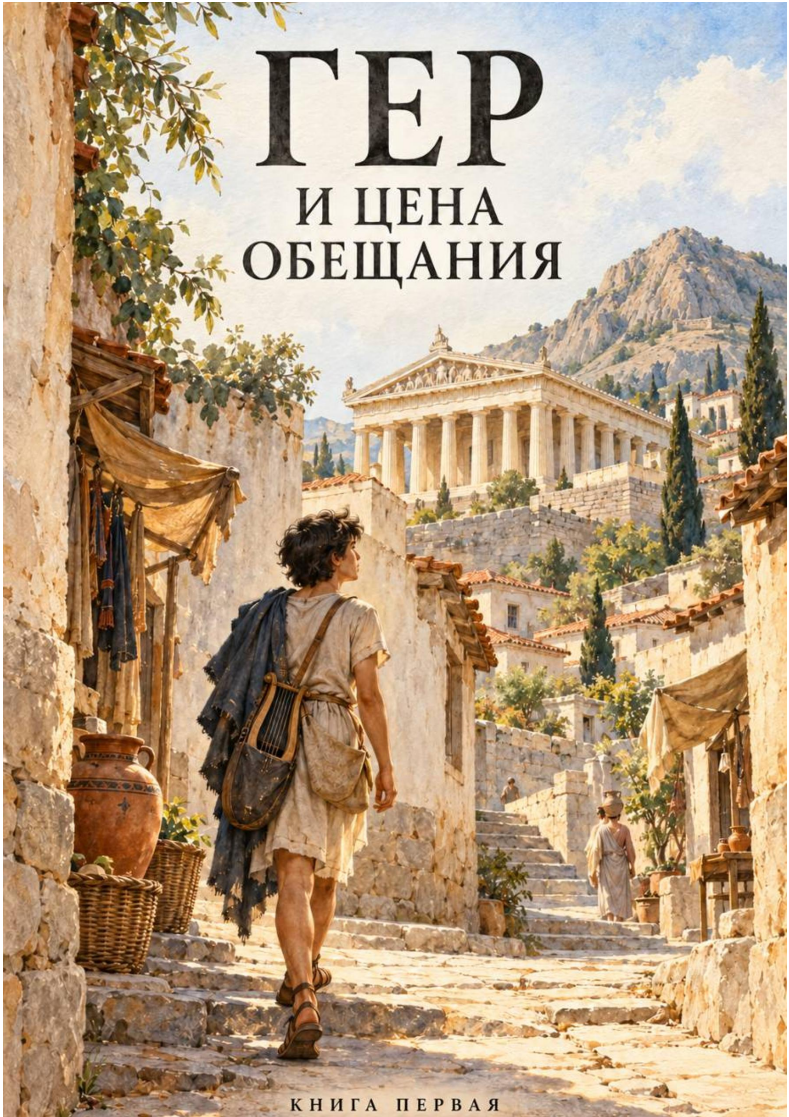

ГЕР
И ЦЕНА
ОБЕЩАНИЯ
КНИГА ПЕРВАЯ

Ефим Семяшкин
Гер и цена обещания

https://litres.ru/74735888
SelfPub; 2026

Аннотация

Гер и цена обещания

Гер вырос в «Корзине» — беднейшем квартале древнего Коринфа, где жрецы торгуют благословениями, а честность порой опаснее ножа.

Он не избранный и не воин. Немного плут, немного мечтатель, обладатель совершенно непрактичной совести. Гер умеет играть на лире и выпутываться из неприятностей. Но однажды он даёт обещание, которое изменит всё.

В мире, где боги вмешиваются в человеческие судьбы, слова порой становятся долгами. А божественные кредиторы не славятся милосердием.

Впереди — тайны храмов, опасные путешествия, предательство, любовь и встречи с теми, кому не принято отказывать. Каждая победа поднимет Гера выше. И каждая потребует свою цену.

Сможет ли он исполнить обещание, не потеряв себя?

«Гер и цена обещания» — приключенческое фэнтези о Древней Греции, где боги далеко не безупречны, люди удивительно упрямы, а судьба иногда обладает весьма

своеобразным чувством юмора, и юноше, который вовсе не собирался менять мир. Он просто хотел поступить правильно.

Содержание

Глава 1 Хлеб для двоих 6
Глава 2 Знамение по сходной цене 29
Глава 3 Чужая недостача 49
Глава 4 Глина помнит пальцы 71
Глава 5 Серебро и чужой страх 93
Глава 6 Человек у погребального костра 114
Глава 7 Двор который обещали очистить 133
Глава 8 Юноша и строптивая лошадь 155
Конец ознакомительного фрагмента. 163

Ефим Семяшкин
Гер и цена обещания

Гер и цена обещания

У каждого произведения есть вдохновение – Девушке зажигающей звезды и приносящий свет даже в дальние уголки мира

Книга первая

Глава 1 Хлеб для двоих

Натощак восход солнца обычно принимают за обещание завтрака.

— Ты хлеб принёс?

Восьмилетний Гер открыл один глаз. Мелитта сидела у него в ногах, держа пустую миску обеими руками. Сквозь щель над дверью проходил свет; до пола он ещё не доставал.

— Я сплю.

— А хлеб?

Гер сел. Вчерашняя похлёбка пристала к краям миски тонкой серой корочкой. Сестра уже облизала её с одной стороны и теперь поворачивала к нему другой.

— Дай сюда.

Она отдала не сразу.

Он поскрёб ногтем. Несколько крупинок упали на ладонь. Их было так мало, что он не сумел подцепить одну и рассердился, когда она затерялась в складке кожи.

— Сегодня будет хлеб, — сказал он.

— С маслом?

— Ты сначала хлеб подожди.

Сестра подумала и кивнула. Отложив миску, она стала вытаскивать из циновки соломинку, которая колола её ночью. Гер поправил на ней рубаху. На плече разошёлся шов, и в отверстие свободно проходил палец.

Материны иглы лежали в узком горшочке за дверью. Гер знал, где они, но зашить рубаху не мог: нитка цеплялась за зазубрину у ушка, потом рвалась, а Мелитта не хотела стоять смирно. У матери получалось шить даже на ней.

— К соседке пойдёшь, — сказал он. — И не лезь к печи.

— Я вчера не лезла.

— Позавчера.

— Там было холодно.

Гер не стал спорить. На холодной печи сестра помещалась целиком, подогнув ноги. Это почему-то сердило соседку сильнее, чем всё остальное.

Он вышел во двор. В уголке между стеной и большим пустым сосудом ещё держалась прохлада. Остальная земля была сухой, вытоптанной, с отпечатками босых пяток. У дверей соседки Тесиллы стоял водяной кувшин. Гер поднял его, прижал к животу и отнёс в тень.

Комнаты теснились вокруг двора. Каменный низ стен уходил в землю, выше лежали ряды необожжённого кирпича. После зимних дождей обмазку чинили пятнами; на глине ещё виднелись пальцы соседей. Над Тесиллиной дверью торчали концы стропил. Под одним воробьи свили гнездо, и теперь солома сыпалась на чужой плащ.

Тесилла сидела на пороге с чужим плащом на коленях. Она шила для людей, которые могли заплатить, и чинила вещи тем, кто обещал принести еду, дрова или воду.

— Пустой, — сказал Гер про кувшин.

— Вижу. Мой мальчик отнёс второй. Вернётся, принесёт.

Её мальчик был взрослый. Гер считал, что такого уже не полагается называть мальчиком, особенно если у него своя борода.

— Я к торгу. Мелитта у тебя посидит?

— Пусть идёт сюда.

Тесилла не посмотрела на него. Она всматривалась в шов; пальцы её распухли, и игла плохо слушалась.

— А поесть у тебя...

— Нет, Гер.

Он замолчал.

— Чечевица будет к вечеру, если принесут за работу. Вчера я вам дала. Сегодня ещё неизвестно.

— Я помню.

— И сестру оставляй. Мне нечем кормить, но смотреть на неё могу.

Гер вернулся в комнату за маленьким куском кожи. Когда-то это был ремешок сандалии; сандалию унесли, а обрывок остался. На одном конце кожа была крепкая, на другом, где прежде проходил узел, почти рассыпалась. Гер собирался получить за неё хоть что-нибудь у человека, чинившего обувь.

Мелитта уже стояла у двери с миской.

— Эту оставь.

— А если дадут?

Он взял миску и поставил на пол.

— Я принесу.

Сестра протянула руку. Гер перевёл её через двор и подождал, пока Тесилла подвинула плащ, освобождая рядом с собой место. Потом вышел на улицу.

До торга он шёл быстро. На узких улицах Коринфа уже теснились возы; за одним пришлось бежать, пока не открылся проход вдоль стены.

За поворотом открылся Акрокоринф. Серая гора поднималась над крышами, голая почти до вершины; в расщелинах ещё лежала синяя тень. Гер ненадолго задрал голову. Потом воз перед ним остановился, и он едва не врезался в задний борт.

Дальше улица шла вдоль высокой ограды. Над ней виднелась ровная черепичная кровля. У ворот человек сметал пыль с широкого каменного порога; сор летел в ту сторону, откуда шёл Гер. Мальчик перепрыгнул через метлу. Человек погрозил ему, но для этого пришлось перестать мести.

На торгу можно было заработать на еду, если успеть раньше других. Вчера человек у гончарного двора давал хлеб за переноску воды. Гер принёс три кувшина, но заплатили ему только за два: третий оказался с трещиной. Гер видел, как из него текло ещё у источника, и всё равно донёс, надеясь, что не заметят. Когда пришлось идти назад, плечи уже ныли.

Теперь у двора лежали закрытые рогожей сосуды. Вода была принесена, мальчиков не звали. Гер заглянул в проход, постоял и пошёл дальше.

У торга разгружали воз. Один из носильщиков присел под мешком, чтобы удобнее взяться. Гер подбежал и предложил подержать край. Мужчина оттолкнул его коленом.

— Раздавит. Уходи.

В стороне двое мальчишек тащили корзину на палке. Гер потянулся помочь, но передний обернулся:

— Наш хлеб.

— Я только...

— Уходи, сказано.

Он отошёл. Сзади хлопнула палка о землю, посыпались ругательства. Гер оглянулся, надеясь, что теперь позовут, но мальчишки сами подняли корзину.

Из-за холма с гончарными печами тянуло дымом. На земле около торговцев валялись прутья, стебли зелени, тёмные косточки. Гер заметил кусок кожаного шнура и нагнулся. Это была только полоска коры. Он бросил её.

Над навесами, на каменном возвышении, стоял храм Аполлона. Тяжёлая черепичная кровля ещё тонула в тени; солнце уже тронуло верх стены. У ступеней носильщик опустил ношу, поправил одежду и только потом поднялся к ограде. Гер видел, что человек спешит, и всё-таки тот задержался.

Носильщик остановился на верхней ступени и развернул свою ношу. В ткани лежала серебряная чаша с двумя ручками. Следом поднялся человек в длинном плаще; он поправил складки на животе, прежде чем посмотреть на храм.

Край обёртки сполз на камень. Гер подбежал и подхватил ткань. С такой чашей человеку, наверное, требовалось ещё что-нибудь отнести. Носильщик придержал обёртку локтем, чтобы она не выскользнула, и позволил мальчику подняться рядом.

Из-за двери вышел седой служитель. Он протянул руки к чаше, но не взял. Смотрел на её край.

По серебру разливался свет.

Гер поднял голову. Солнце ещё не дошло до места, где они стояли. На краю кровли сидел воробей; его лапы были освещены, а ниже лежала тёмная полоса. Чаша находилась под самой крышей.

Служитель опустился на колено. Носильщик попробовал последовать за ним и выпустил одну ручку.

Чаша накренилась — и выровнялась сама.

Мужчина разжал вторую руку. Между серебром и его пальцами осталось пустое место, куда свободно вошла бы Геровская ладонь. Свет лежал у носильщика на ногтях, забирался в сгибы пальцев. Мужчина дышал ртом и всё ещё держал руки под чашей.

Гер присел, будто собираясь сложить обёртку. Снизу он видел выпуклое дно, раскрытые ладони и просвет между ними. Посмотрел вверх, на ручки. Ни прута, ни шнура.

— Аполлон принял, — сказал служитель.

Голос у него сел. Человек в плаще стал на колени, неловко подбирая ткань. Внизу тоже опускались на землю; женщина,

только что бранившаяся с носильщиком другого воза, прижала ладонь к губам.

Гер остался на корточках. На миг ему показалось, что чаша поднимется выше, к воробью. Он не хотел пропустить это.

Но серебро медленно пошло вниз. Носильщик поспешил поймать ручки. Когда поймал, локти у него согнулись под тяжестью; чаша едва не ударила его в грудь.

Свет ещё держался на пальцах. Мужчина повернул ладонь перед лицом. Гер подался ближе, и служитель велел ему отойти.

Потом всё стало обыкновенным. Чашу внесли за дверь. На площади опять торговались; за спиной Гера человек сердито требовал освободить ступень. Воробей перебрался по краю кровли и исчез за черепицей.

Гер протянул служителю обёртку.

— Если ещё нести надо, я могу.

— Оставь здесь. И ступени освободи.

Он положил ткань на вытянутую руку. Носильщик, уже без чаши, тоже спускался. Гер задержался возле него и посмотрел на пальцы. Света не осталось. Край ногтя был сломан, под ним чернела грязь.

— Как ты её держал?

Мужчина глянул на свои руки.

— Я выпустил.

— А потом?

— Сам видел.

Он пошёл следом за хозяином. Гер постоял ещё немного, глядя под кровлю. Потом со стороны навесов донёсся запах горячего хлеба, и мальчик вспомнил, зачем пришёл на торг.

Хлеботорговец стоял под навесом и снимал ткань с корзин. Лепёшки лежали рядами, большие внизу, поменьше сверху. Несколько ещё дымились в месте надлома. Гер остановился так близко, что почувствовал жар от корзины.

— Отойди.

Он отошёл на полшага.

— Я могу отнести.

— Уже есть кому.

У столба сидел подросток и жевал. Щёки у него двигались медленно. Гер смотрел на хлеб в его руке, пока тот не повернул его коркой наружу.

— Я быстро бегаю, — сказал Гер.

— Вот и беги.

Хлеботорговец встряхнул ткань. Из неё посыпались крошки. Гер невольно шагнул вперёд, и торговец опустил пустую корзину между ними.

— Не возле еды. Сколько повторять?

— Дай маленькую. Я потом принесу дров.

— Потом я уже уйду.

Гер хотел сказать, что принесёт завтра, но понял по лицу торговца, что завтра тоже не поможет. Рядом на низком столике лежали две горелые лепёшки. Он показал на них.

— А эти?

— Эти тоже хлеб.

Он знал.

Человек с тростью остановился у соседнего навеса. Торговка рыбой вытерла ладони о подол и показала на почти пустую посудину. Человек постучал концом трости по столбу, ничего не говоря. Она полезла под ткань и достала небольшой свёрток.

Гер видел его и прежде. Он собирал плату с тех, кто раскладывал товар, и прогонял мальчиков, которых узнавал. Нос у него был сплющен набок. Гер однажды попробовал так повернуть собственный и потом полдня дышал ртом.

Теперь сборщик разворачивал свёрток. Гер переместился за хлебную корзину. Подросток у столба перестал жевать и сел прямее.

С другой стороны навеса торговали защитой от дурного глаза. Там был человек с чистой повязкой на лбу; перед ним стояла чаша, а рядом лежал пучок веток. Он окропил прохожего и заверил, что дорога будет удачной. Прохожий оставил горсть зерна. Капли легли на пыль, и Гер проследил, как быстро они высохли.

Потом подошёл человек в хорошем плаще. Его живот выпирал под тканью, а сандалии были такими новыми, что Гер ещё мог различить светлые края кожи. Человек с повязкой тут же выпрямился.

— Пусть светлый бог хранит твой дом.

Покупатель потрогал край чаши, но зерна не достал.

— А товар?

— И товар.

— У меня в дороге четыре вьюка.

Человек с повязкой заговорил тише. Гер приблизился, делая вид, что рассматривает корзины. Из-под плаща показался кожаный мешочек. Покупатель развязал его и выбрал кусочек серебра.

— Было бы три вьюка, дешевле бы обошлось? — спросил Гер.

Оба повернулись к нему.

— Прочь, — сказал человек с повязкой.

Гер отступил. Покупатель неожиданно засмеялся.

— Слышь, малый? Четыре береги. За три не плачу.

Он пошёл к хлебу, и Гер вслед за ним. Человек с повязкой вытер брызги с чаши. Пока Гер смотрел, к тому подошла старуха; он выслушал её и окропил руки, не дожидаясь приношения. Гер задержался на мгновение, потом снова повернулся к навесу.

Бог, видно, мог беречь и бесплатно. Только покупателю об этом не сказали.

Тот выбирал хлеб, сжимая лепёшки двумя пальцами. Ему не нравилась корка на одной и форма другой. Хлеботорговец терпеливо переворачивал их.

— Двенадцать, — наконец сказал покупатель. — И корзину. Эту верну, когда придёшь за платой.

— Корзину к вечеру вернёшь.

— Я сказал, верну.

Торговец взял с земли глубокую корзину. Ручки на ней были кожаные, привязанные к плетению. Он поставил её у столба и начал перекладывать хлеб. Покупатель отвлёк его вопросом о муке. Подросток ушёл за тканью, в которую полагалось завернуть покупку.

Гер стоял почти вплотную к корзине. На ближайшей ручке узел распустился: один конец висел снаружи, другой едва держался в петле. На эту корзину он смотрел уже несколько минут. Если потянуть, кожа выскользнет. Хлеба в ней пока было мало.

Он присел, будто тронуть пальцем припёкшуюся грязь на ноге, и вытащил свой обрывок.

Крепкий ремешок вышел легко. Гер сунул его за пазуху. Старую кожу пришлось продевать дважды: конец загибался и не попадал между прутьями. От волнения пальцы стали мокрыми. Он услышал, как подросток возвращается, бросил обрывок, снова поймал его и завязал.

— Что там делаешь?

Гер отнял руку.

— На ногу наступили.

Подросток посмотрел на его босую ступню. Сбоку была кровь: острый прут всё-таки царапнул кожу.

— Сам лезешь.

Гер выпрямился. Отступить теперь хотелось гораздо силь-

нее, чем прежде. Он почти решился уйти, но торговец положил в корзину последнюю лепёшку.

— Держи с той стороны.

Покупатель взялся за ручку. Подросток подхватил вторую. Их руки поднялись почти одновременно.

Старая кожа лопнула.

Корзина накренилась и ударила покупателя по голени. Хлеб высыпался. Одна лепёшка покатилась ребром, задела стопку мисок, и верхняя упала. Покупатель охнул, выпустил ручку и отступил на торговца рыбой.

— Смотри под ноги!

— Это он уронил!

Подросток держал пустую ручку. Хлеботорговец схватил покупателя за плащ, удерживая от следующего шага. Миски качались, рыба съехала на край стола.

— Крыса! — крикнул Гер.

Торговка подняла ноги. Сборщик обернулся, ударил тростью по земле, хотя бить пока было некого. Двое прохожих отступили, освобождая ровно столько места, сколько требовалось Геру.

Он нагнулся за хлебом. Первая лепёшка была горячая и скользнула из ладони. Гер подхватил её снизу, прижал к животу и взял вторую — ту, что докатилась до навеса.

Подросток собирал остальное. Сборщик посмотрел поверх его спины.

— Ты!

Гер уже прошёл между столбом и рыбной посудиной. Трость ударила по ткани навеса, выбив пыль. Он нырнул под оглоблю стоявшего рядом воза. Уши задели дерево. С той стороны не сразу поднялся: кто-то двигал мешок, и Гер полз, стараясь не выронить хлеб.

— С рубцом над бровью! — крикнул сборщик. — Держи его!

Гер встал и побежал.

Держать было некому. Человек у мешка повернулся слишком поздно, а дальше улица сужалась. Здесь взрослым приходилось идти боком между сложенными сосудами; Гер проскочил, зацепив рубахой рогожу. За спиной стукнули друг о друга два кувшина.

Он остановился только за глухой стеной, где начинался двор кожевника. Рядом сохли обрезки. Вонь была такая, что покупатель в новом плаще сюда не пришёл бы и за всеми двенадцатью лепёшками.

Гер прислушался. Кричали ещё на торгу. Близко никто не бежал.

Он сел, выставив вперёд поцарапанную ногу. Две лепёшки лежали на коленях. Один край был испачкан; Гер сдул пыль, потёр его подолом и откусил.

Корка больно царапнула нёбо. Он прожевал, но кусок не проходил дальше, и Гер долго сидел, вытянув шею, прежде чем смог сглотнуть.

Теперь надо было вернуться. Он поднялся — и вдруг за-

смеялся. Сначала тихо, потом громче, зажимая рот ладонью. Покупатель держался за голень, подросток за пустую ручку, а тот с тростью бил несуществующую крысу. Гер присел от смеха. Хлеб при этом чуть не выпал, и он перестал.

В рубахе остался хороший ремешок. Гер вытащил его и попробовал на разрыв. Такой можно было отдать обувщику. Тогда хлеба останется больше.

Собственная ловкость нравилась ему до того, что он снова захотел на торг. Там ещё лежали горелые лепёшки. Торговец, наверное, будет смотреть на него, но Гер знал другие корзины и уже представлял, как подойти сзади.

Он даже повернул голову в ту сторону.

С рубцом над бровью.

Гер потрогал рубец. Это было маленькое белое пятнышко у левого виска. Почти не видно, если распустить волосы. Он провёл ладонью по голове, опуская чёлку, и пошёл другой дорогой.

За источником можно было обогнуть торг, а потом вернуться к своему двору. Путь выходил длиннее, зато здесь не было трости.

У Пирены толпились люди. Возле струи камень был тёмный и скользкий, вдоль трещины росла трава. Женщина, наполнявшая сосуд, прижала её коленом; отпустила — трава медленно распрямилась. Гер попил с ладони, подождав своей очереди. Вода ломила зубы. Женщина неодобрительно посмотрела на хлеб у него за пазухой, но ничего не сказала.

На краю площадки сидел Филон.

Он был старше Гера на год и всегда выбирал место повыше, даже если рядом было свободно. Теперь он сидел на камне с подтянутыми ногами. Руки у него дрожали.

Гер спрятал хлеб поглубже.

— Ты чего?

— Ничего.

У Филона голос был сиплый. Гер однажды спросил, болит ли у него горло. Тот ответил, что такой голос лучше слышно на корабле. До корабля Филона пока не брали.

— Драться ходил?

— В колодец.

Гер оглянулся на людей у воды.

— Там не глубоко.

— Не сюда. К масляному двору. Кувшин упал. Сказали, спущусь и вытащу — дадут поесть.

— Вытащил?

Филон покачал головой. Между пальцами у него засела грязь, а на одном локте кожа была содрана.

— Верёвку дали короткую. До воды не достал. Хотели, чтобы вниз отпустился.

Гер не видел того колодца. Он попробовал представить: ноги на камне, ниже темнота, вода, кувшин, который ещё нужно найти. Смотреть пришлось бы вниз.

— Я бы тоже не полез, — сказал он.

Филон потёр ладонью локоть.

— А заплатили?

— За что?

Гер сел рядом. Хлеб за пазухой ещё грел живот. Вторая лепёшка была целая. Её можно было обменять на еду для вечера, а хороший ремешок придержать до завтра. Тесилла, если получит чечевицу, даст сестре ещё немного. Тогда сегодня ему не придётся никуда возвращаться.

Филон нагнулся и вытер ладони о камень. Пальцы уже не дрожали, но он тёр их долго, по одному.

Гер достал целую лепёшку.

— Будешь?

Филон сразу потянулся, потом остановился.

— А тебе?

— Есть ещё.

Он показал надкусанную. Филон взял хлеб и стал есть стоя. Сначала быстро, потом вынул изо рта большой кусок и отломил поменьше.

— Не доедай, — сказал Гер. — Вечером захочешь.

Филон сел. Половину он завернул в подол, завязав два уголка. Теперь рубаха перекосилась и одна нога оказалась закрыта до колена, а другая почти совсем открыта.

— Зато не потеряю, — сказал он, поймав взгляд Гера.

Гер кивнул. Он перестал думать о колодце. Филон ел, шевеля щекой, и ему хотелось смотреть, как на его пальцах остаются крошки.

— Там за тобой орали, — сказал Филон.

Гер напрягся.

— Кто?

— Тот, кривой. Из-за хлеба?

Гер отломил от своей лепёшки кусочек и положил в рот.

— Нет.

Филон посмотрел на него.

— Говорил, у тебя бровь белая.

Гер больше не жевал.

— Не вся бровь.

— Я знаю.

Филон встал и спустился с камня.

— Пойдём через нижние дворы. Там его собакой напугали, он больше не ходит.

— Чья собака?

— Не знаю. Теперь там козёл.

Они пошли вместе. Филон держался со стороны, откуда можно было увидеть сборщика, и иногда оборачивался. До нижних дворов никто их не окликнул. Козёл тоже не вышел.

У дома Гер остановился. В ворота входить с Филоном он не хотел: сестра спросит, откуда хлеб, и тот ответит прежде, чем Гер успеет придумать.

— Я здесь.

Филон кивнул, поправляя узел на подоле.

— Завтра к источнику придёшь?

— Приду.

Он подождал, пока Филон отошёл, и спрятал ремешок за

пояс. Лепёшку держал на виду.

Мелитта бросила соломинку, которой чертила на земле, и побежала к нему. На середине двора она остановилась, вспомнив, что полагается спросить.

— Можно?

— Бери.

Она обхватила хлеб обеими руками. Гер успел повернуть его чистой стороной к её рту.

— Медленно.

Сестра кивнула с полным ртом.

Тесилла вышла на порог. В пальцах у неё была игла.

— Где взял?

— На торгу.

— Это я и без тебя вижу.

Гер опустил глаза на сестру. Та держала хлеб так крепко, что корка треснула.

— Помог носить.

Тесилла помолчала.

— Сестра ждала. Долго тебя не было.

— Корзина тяжёлая.

Он сказал это слишком быстро, и Тесилла снова посмотрела ему в лицо. Потом заметила ногу.

— Поди смой. Кровь засохла.

Гер сел у кувшина. Воды принесли, и он осторожно лил её себе на царапину. Тесилла вернулась к плащу. Гер выдохнул.

Мелитта подошла и села рядом. Теперь она отламывала

хлеб маленькими кусочками. Один положила ему на колено.

— Тебе.

— Я там ел.

Она подвинула кусок ближе. Гер взял его. Чуть погодя Мелитта проверила его ладонь: убедилась, что он съел, и принялась за свою долю.

В горшочке оставалось немного масла, которое вчера дала Тесилла. Гер соскрёб со стенки пальцем и помазал сестрин хлеб. Она облизнула палец и засмеялась. Он наконец сел удобнее, прислонившись затылком к стене.

Через ворота было видно узкую полоску улицы. Там прошёл старик, опираясь на палку. Гер приподнялся, потом снова сел. Сестра этого не заметила.

— А ещё хлеб будет?

Он посмотрел на оставшийся кусок. На вечер почти ничего не оставалось. Тесилла всё ещё ждала, когда принесут за работу чечевицу.

— Будет, — сказал он.

Мелитта отломила себе побольше.

Гер хотел поправить её, сказать, что этот надо беречь, но тогда пришлось бы объяснять, когда принесут другой. Он подождал, пока сестра съела кусок. Хороший ремешок можно было отдать обувщику. До вечера ещё оставалось время.

Он накрыл остаток хлеба миской, чтобы не сели мухи. Сестра смотрела на него, водя языком по губам.

— Я на торгу одного видел, — сказал он. — Он дома бе-

режёт от дурного глаза.

— Наш дом?

— Любой, если заплатишь.

Она повернула голову к двери. На косяке оставалась тёмная отметина от дымящей лучины, которую приносили, когда мать лежала с горячкой. Мелитта помнила огонь лучше, чем болезнь. Она боялась, что он прожжёт дерево.

— А когда не заплатишь?

Гер ковырнул ногтем сухую землю.

— Тогда не знаю.

— Маму берегли?

— Берегли.

Он не посмотрел на сестру. В ту ночь в комнате было тесно от людей, потом они ушли. Утром Гер долго не мог найти свою сандалию. Позже оказалось, что её затоптали под циновку. Это он помнил очень ясно, хотя Тесилла говорила, что другое полагается помнить.

Мелитта потрогала пустой горшочек из-под масла.

— Тесилла сказала, кто хлеб украдёт, боги увидят.

Гер поднял голову.

— А ты крала?

Сестра покачала головой.

— Тогда не бойся.

— А когда хочется есть, они видят?

За стеной стукнули дровами о землю. Гер прислушался, надеясь, что принесли плату. Тесилла кому-то ответила, но

слов он не разобрал.

— Наверно.

Мелитта подождала. Гер смотрел на ворота, и ей пришлось потянуть его за рубаху.

— Тогда почему хлеб не дают?

Он не нашёл ответа. Сестра не торопила; она и вправду хотела узнать.

Гер достал из-за пояса ремешок и показал ей.

— Мне пора. Вот это отдам — будет хлеб.

Она провела пальцем по гладкой коже.

— А я пока не буду?

Он взглянул на миску, под которой лежал остаток лепёшки. Если сестра съест всё, ему достанется только то, что он успел откусить.

— Будешь, — сказал Гер. — Ты ешь.

Выходя со двора, он поцарапанной ногой нащупывал места, где земля была мягче. За воротами задержался, посмотрел в обе стороны и только тогда пошёл к обувщику.

Глава 2 Знамение по сходной цене

Птица знала волю богов ровно до того места, где кончалось зерно.

Голубь клюнул Гера в запястье.

Гер не шевельнулся. На земле перед ним лежала узкая полоса света; за ней стояли ноги людей, пришедших узнать своё будущее. Пока Сострат говорил, следовало глядеть вниз. Лучше всего — на его сандалии. Когда правый носок повернётся наружу, надо будет поднять руку.

Голубь снова клюнул.

— Тебе за это не прибавят, — прошептал Гер в ворот.

Сострат говорил о дороге. У стоявшего перед ним человека на щеке дёргалась жилка. Он снарядил судно, но не мог решить, выходить ли в море завтра или переждать. Сострат спросил, сколько везут масла, куда идут и хорошо ли связаны сосуды. Выслушав, он запрокинул голову.

— Светлый бог не оставит тебя без знака.

Правый носок повернулся.

Гер поднял руку, будто заслоняясь от солнца. Под широким рукавом голубь лежал в складке ткани. Мальчик разжал пальцы, придерживавшие её край, и качнул локтем. Птица вырвалась, хлопнула крыльями перед лицом купца и взлетела на крышу.

Человек отшатнулся. Жилка на щеке перестала дёргаться.

— Видел? — спросил Сострат.

Купец кивнул.

— Прямо к свету. Ничто его не задержало.

Голубь пошёл по крыше, покачивая головой. На следующем шаге он оставил белую кляксу. Гер опустил глаза.

— А ветер? — спросил купец.

— Ветер не продаю. Его проси у Посейдона. Я говорю тебе о пути.

Купец полез за серебром. Пока Сострат принимал плату, Гер стоял, сложив руки. Он уже знал: нельзя смотреть на то, за что платят. Следовало смотреть на хозяина, а если тот заговорит — отвечать тихо и почтительно.

Птица сидела за спиной Сострата и чистила перья. Ей полагалась горсть зерна. Геру — ужин и ещё немного еды домой.

Он работал здесь пятый день.

За два года Мелитта вытянулась из старой рубахи, а Гер вырос настолько, что научился поднимать полный водяной кувшин без помощи колена. Хороший ремешок он тогда отдал обувщику; в тот вечер они с сестрой поели. Утром пришёл к источнику, как обещал Филону. Потом были другие вечера и другие обещания. Иногда удавалось наняться на день, иногда приходилось брать чужое. Сборщика с кривым носом Гер по-прежнему обходил. Тот однажды остановил его у торга, но мальчик стал выше, а доказательств у сборщика не прибавилось.

Сострат взял его без поручителя. Сперва велел поднять с земли камешек и спрятать так, чтобы никто не заметил. Гер спрятал. Сострат потребовал вернуть. Гер протянул пустую ладонь.

— Камень где?

— Вы же сказали, чтоб никто не заметил.

Сострат рассмеялся и дал ему поесть.

Теперь Гер носил его сумку, собирал после посетителей посуду и умел выпустить птицу в нужную сторону. Ещё он выучил, как провести дымящийся сосуд под краем хозяйского плаща. Сосуд был маленький, глиняный. Сострат заранее клал в него уголь и щепотку сухой душистой травы. Вся трудность заключалась в том, чтобы подать его, не обжёгшись и не кашлянув.

Сострат тоже умел не кашлять. Дым тёк по его подбородку, а он продолжал говорить. Гер уважал это больше, чем многие другие его умения.

К полудню посетители разошлись. Хозяин ушёл к человеку, у которого снимал угол для ночлега, а Гера оставил стеречь вещи. Голубя поймали с помощью зерна и посадили в плетёную клетку. Птица успела клюнуть его ещё раз.

— Дома скажу, что меня на работе избивают.

Голубь повернулся хвостом.

Гер уселся в тени. В ладони оставался кусочек серебра, который Сострат дал за утреннее знамение: в этот раз купец не пожалел платы. Гер покатал серебро между пальцами, по-

том завернул в обрывок ткани. Вечером можно было принести Мелитте что-нибудь получше обычной похлёбки.

Сестра нашла его сама. Тесилла послала её вернуть соседке починенный пояс, и Мелитта нарочно выбрала дорогу мимо его нового места.

— Покажи.

— Что?

— Птицу.

Гер снял тряпку с клетки. Мелитта присела.

— Это она богам говорит?

— Не она.

— А кто?

— Состpат знает, что она говорит.

Сестра посмотрела на голубя. Тот раздул грудь и стал вытягивать шею между прутьями.

— Она пить хочет. Ты наливал?

Гер взял чашечку. В ней были мокрые зёрна и два пёрышка. Он вылил воду, стряхнул перья и налил свежей.

Мелитта прижала к животу свёрнутый пояс.

— Тесилла сказала, вернуться сразу.

— Так возвращайся.

— Я сначала пояс отнесу. Ты надолго тут?

— До вечера.

Она потрогала край его рукава. Одежду Состpат дал чужую, взрослую; Тесилла подобрала подол, но широкие рукава хозяин велел не трогать.

— Не порви. Она и так ругалась.

Когда сестра ушла, Гер расправил ткань на коленях. Он не рвал одежду, не уносил чужого товара, стоял у всех на виду и получал плату. Тесилле это нравилось. Ему тоже.

Сострат вернулся с куском сыра. Отрезал Геру тонкую полоску и уселся спиной к стене. У него были очень чистые ногти. Он всякий раз протирал их, прежде чем принять приношение, хотя на дороге никто бы не удивился грязи.

Женщина подошла, пока они ели.

Она несла небольшой мешок и глиняный кувшин без ручки. Гер сперва решил, что ей нужно узнать, где починить сосуд. На краю мешка была заплатка, пришитая частыми мелкими стежками. Из распустившегося узла высыпались несколько зёрен ячменя.

— Здесь Сострат?

Хозяин вытер пальцы.

— Что тревожит тебя?

— Сын.

Она поставила кувшин у стены, но мешок не выпустила. Сострат подождал. Он умел ждать; Гер заметил, что после молчания люди обычно рассказывали больше, чем собирались.

— Пять дней горячка. Ночью стал звать отца. А отец умер зимой. — Женщина провела ладонью по рту. — Мне сказали, ты можешь помочь.

— Как зовут мальчика?

— Никон.

— А тебя?

— Миррина.

Состpат повторил имя ребёнка. Потом ещё раз, медленнее. Женщина смотрела на его губы. Гер ел сыр маленькими кусочками, чтобы хватило до конца разговора.

— Знак нужно получить прежде, — сказал хозяин. — Сам я не могу обещать без согласия бога.

Гер потянулся к клетке.

Женщина этого не заметила. Она развязала мешок и заглянула внутрь, хотя и так знала, сколько там осталось.

— Это всё. Масла немного. Я сперва думала, станет легче. Теперь он почти не просыпается.

— Отставь сюда. Я приму.

Миррина придвинула мешок к его ногам.

Гер завёл голубя в складку рукава. В этот раз птица сидела спокойно; тёплая грудь едва касалась кожи. Состpат встал и поднял лицо к небу. Проходивший мужчина остановился. За ним задержалась девушка с корзиной.

Мальчик следил за сандалией.

Птица вылетела чисто. Гер даже не задел край плаща. Голубь взмыл, повернул над стеной и сел на ту же крышу, где утром. Там лежало зерно, которое Гер рассыпал перед приходом людей.

— Принято, — сказал Состpат.

Миррина зажмурилась. У неё дрожал подбородок.

Гер успел подать сосуд. Сострат подхватил его под плащом; дым поднялся возле ворота. Свободной рукой хозяин повёл над головой женщины. Гер отошёл со своей сумкой. Никто не увидел. Утром пришлось сделать два движения, а сейчас хватило одного.

Он посмотрел на девушку с корзиной: заметила ли она? Та глядела на Сострата.

— Он будет жить? — спросила Миррина.

— Аполлон не отверг тебя. К закату приходи за лекарством.

— Я могу забрать сейчас?

— Его ещё нужно приготовить. Торопишь бога?

Женщина замотала головой.

Сострат спросил, где она живёт, и велел молчать о полученном знаке до ночи. Миррина назвала двор за винным складом. Уходя, она подняла с земли рассыпавшиеся зёрна. Собрала их в ладонь и положила на верх мешка. Гер смотрел, пока хозяин не заслонил мешок плащом.

— Хорошо подал, — сказал Сострат.

Он редко хвалил. Гер сел, поджав ноги. Руки всё ещё помнили нужное движение; хотелось повторить его с пустым сосудом и проверить, получится ли ещё быстрее.

После женщины пришли двое мужчин. Один подозревал соседа в порче виноградных лоз. Другому снился покойный брат. Сострат никого не отпускал без ответа. Про соседские лозы он сказал, что земля помнит обиду; мужчине с покой-

ным братом велел принести любимую еду умершего. Гер подумал, что хорошо было бы знать заранее, что тот любил.

К вечеру он устал. Широкий рукав натирал укушенное запястье. Сострат ушёл за вином, приказав перенести вещи за стену, где ночевал. Гер погрузил клетку на плечо, взял сумку и мешок Миррины. Кувшин пришлось обхватить локтем.

На полпути ремень сумки скользнул по руке. Гер остановился, поставил кувшин и решил переложить глиняный сосуд поглубже. Край был ещё тёплый. Рядом в сумке лежали ложка, обрывки чистой ткани и мешочек с травой для дыма.

Лекарство, наверное, было на дне.

Он раздвинул вещи. Вынул комок шерсти, кусок угля, маленькую бронзовую печать, которой хозяин прижимал глину на завязанных свёртках. У печати на плоском конце была звезда с кривым лучом. Гер покрутил её, сунул за пояс, чтобы не потерять, и полез глубже.

На дне были крошки сыра.

Гер вытряхнул сумку на ткань. Взял мешочек с травой, понюхал. Тот же запах, что у дыма.

Может, это и есть лекарство.

Он стал складывать вещи обратно. Сострат знал, что делал. Птица тоже летела, куда нужно, и ещё ни один купец не вернулся ругаться. Если лекарство надо покупать, то хозяин сейчас купит. Утром купец дал ему серебро.

Гер подтянул ремень. Бронзовую печать за поясом он оставил: когда будут сворачивать ткани, подаст сразу, без по-

исков. Это умение Сострат тоже ценил.

Во дворе хозяйский мешок уже был увязан. Сострат стоял на пороге и пробовал ногой крепость ремешков сандалии.

— В клетку зерна насыпал?

— Насыпал.

— Хорошо. Мы уйдём раньше, чем закроют дорогу возы. До сумерек успеем.

— Куда?

— Тебе какая разница? Ты всё равно здесь остаёшься.

Он высыпал принесённый ячмень в широкий мешок. У его края сидел чужой подросток, готовый помочь нести. Гер заметил сначала пальцы на клетке, а потом лицо. Подросток был выше его, волосы доходили до плеч. Рукава тоже широкие.

— А женщина? — спросил Гер.

— Какая?

— С мальчиком. Придёт к закату.

Сострат перестал завязывать мешок.

— Ну?

— Ты лекарство приготовил?

— Ты у меня травник?

— Нет.

— Так чего спрашиваешь?

Гер заглянул в пустой мешок Миррины. В шве застряло зерно. Он подцепил его ногтем, но оно раскрошилось.

— Ты обещал.

Сострат поднял на него глаза. Теперь он не ждал, чтобы мальчик рассказал больше.

— Я сказал, бог её принял. Ты сам птицу выпускал. Или забыл?

Чужой подросток повёл плечами. Ему, видно, надоело стоять с клеткой.

— Отдай ей хотя бы ячмень, — сказал Гер.

Сострат сунул два пальца в сумку, достал остаток сыра и откусил.

— Возьми свою плату и уходи.

— Ей нечего есть.

— У тебя есть.

Хозяин положил сыр в ткань. Гер долго смотрел на свёрток. Завтра можно было принести сюда сестру: она с птицей справится, а ловкости у неё пока мало, зато он научит. Он уже думал об этом утром. Тогда еды стало бы больше.

— Четыре дня ты у меня приношения принимал, — сказал Сострат. — И всё было хорошо. Сегодня что изменилось?

— Пять.

— Что?

— Пятый день сегодня.

Сострат дёрнул шнур. Узел затянулся.

— Ступай.

Гер взял мешок Миррины и опустил в него обе руки. На месте, где недавно лежало зерно, осталась тёплая вмятина.

Сострат не смотрел на него; он пересчитывал свёртки в своей сумке. Мальчик согнулся, будто отряхнуть подол, и зачерпнул ячмень из широкого мешка. Два раза. На третий раз рука чужого подростка легла ему на плечо.

— Он берёт.

Сострат повернулся. Гер отступил, прижимая мешок к груди.

— Это её.

— Больше ты сюда не придёшь, — сказал хозяин.

— Я и так...

Сострат шагнул ближе. Гер умолк. Пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Скажешь кому, как птицу выпускал, — я расскажу, кто принимал у женщины ячмень. И кто сейчас меня обокрал. Думаешь, тебя будут слушать после этого?

Гер отступил ещё на шаг. Ячменя он взял мало, даже половины не получилось. Кувшин с маслом стоял у стены, но до него теперь не дотянуться.

— Хороший был мальчик, — сказал Сострат подростку. — Стал сам себе хозяином.

Тот поднял клетку повыше. Голубь забил крыльями, и ткань, накинутая сверху, съехала. Гер хотел поправить её, но Сострат уже шёл к воротам.

Миррина ждала у прежнего места. Она присела возле стены, расправив под собой край одежды. Люди обходили её, иногда спрашивали, не продаёт ли она что-нибудь.

Увидев Гера, женщина поднялась.

— Готово?

Он протянул мешок.

Миррина посмотрела внутрь.

— Это что?

— Он ушёл.

— Лекарство дал тебе?

Гер покачал головой.

Она переспросила. Он снова покачал головой и только потом выдавил:

— Не было у него лекарства.

Миррина взяла его за плечи.

— Ты откуда знаешь? Ты же не знаешь. Могло остаться у другого. Он послал тебя за мной?

Её пальцы вдавились в кожу. Гер посмотрел на большие побелевшие костяшки. Когда-то мать держала его так, чтобы не вертелся, пока она промывала ссадину.

— Не посылал.

— А почему ты пришёл?

Он молчал.

Женщина отпустила его. Ячмень просыпался ей на одежду; она даже не встряхнула подол.

— Ты за птицей смотрел, — сказала она наконец. — Позови его.

Гер хотел объяснить всё сразу: рукав, сандалию, зерно на крыше. Тогда она поймёт и перестанет требовать, чтобы он

привёл Сострата. Он уже открыл рот, но женщина подняла свой мешок. Она держала его за горловину, не завязывая, и стояла, будто собиралась куда-то идти. При этом не двигалась.

Гер достал из-за ворота обрывок ткани с серебром.

— Это тоже возьми.

Миррина не протянула руку. Он развернул серебро и положил его поверх ячменя.

— Я утром получил. Это моё.

На слове «моё» голос у него дрогнул. Он разозлился и сунул пустую ткань обратно за ворот.

— Идём, — сказал он. — Я знаю одного.

Иона Гер прежде видел у небольшого святилища Посейдона. Как-то после сильного ветра Филон помогал там собирать оторванные ветки. Служитель дал ему поесть и позвал ещё людей; веток было больше, чем один мальчик мог поднять. Филон хвалился, что нашёл работу у морского бога, не спускаясь в воду.

Теперь у святилища никого не было. На камне возле входа сушилась тряпка. Ион чистил глиняную чашу: ноготь на большом пальце у него почернел, он держал её неудобно, стараясь не прижимать этот палец к краю.

— Что случилось?

Женщина стала говорить. Гер стоял рядом, изредка кивая. Ион отложил чашу и выслушал её до конца.

— Далеко живёшь?

Миррина назвала двор.

— Пойдём. Я позову женщину, она умеет смотреть больных. Только прежде нужно увидеть мальчика.

Миррина развязала мешок.

— Вот что у меня есть.

— Оставь. Неси домой.

— Мне нужен знак, — сказала она тихо. — Понимаешь? Что он выживет.

Ион потёр ладонью шею.

— Этого я не знаю.

Она зажала край мешка. Гер смотрел на Иона: сейчас тот поправит сказанное, вспомнит о боге, велит принести что-нибудь завтра. Но служитель взял водяной кувшин и кивнул им к выходу.

— Покажи дорогу.

Гер пошёл следом. В тесном проходе он пропустил Миррину вперёд и поймал Иона за край одежды.

— Птица в рукаве была.

Ион обернулся.

— У Сострата. Я выпускал. На крыше зерно сыпал, чтоб туда летела. И дым подавал.

Служитель посмотрел на руку, которая держала его одежду. Гер убрал её.

— Женщина об этом знает?

— Нет. Я сказал, лекарства нет.

— Тогда скажи ей остальное.

Гер переступил с ноги на ногу. Печать за поясом упёрлась в живот.

— А ты ей не можешь?

— Могу. Ты стоять будешь рядом?

Гер кивнул не сразу.

Миррина ждала у поворота. Ион остановился возле неё. Он сказал коротко, даже не назвал Сострата обманщиком: объяснил, откуда взялся голубь и чем пахло под плащом. Когда женщина повернулась к Геру, он заставил себя поднять голову.

— Да, — сказал он. — Всё так.

Миррина шагнула к нему, и он сжал пальцы на поясе. Она посмотрела ему в глаза.

— Я думала, сыну поможет.

Геру стало трудно дышать. Он сделал короткий вдох, потом ещё один. Хотелось сказать, что он не знал про лекарство, что птицу выпускали и для богатых, что его самого выгнали. Миррина уже отвернулась. Нужно было идти к мальчику.

У винного склада Гер придержал дверь. Ион пригнулся под низкой притолокой, Миррина вошла за ним. Ребёнок лежал возле стены, одной рукой сжимая край подстилки. Он был меньше Мелитты. Рот его оставался открытым, а губы были покрыты засохшей коркой.

Гер остановился снаружи.

Через некоторое время Ион вышел.

— Сходи к источнику. Этот кувшин полный принеси. Сможешь?

Гер взял кувшин.

До темноты он ходил за водой дважды. Потом ему дали старый кусок ткани и послали к женщине через три двора. Та покряхтела, собирая свои вещи, и спросила, почему мать так долго ждала. Гер ответил, что была занята. Уже у двери остановился.

— За лекарством ходила. Её обманули.

Старуха посмотрела на него поверх узла, который собиралась затянуть зубами.

— Так и говори. Жди меня.

Когда они вернулись, Ион сидел рядом с ребёнком. Он поднялся, уступая место. Миррина подтянула подстилку. Гер увидел, что серебро лежит в углу возле мешка: на него ещё ничего не купили.

Дома Мелитта не спала. Тесилла уже уложила её, но сестра опять вышла во двор, когда услышала шаги.

— Что принёс?

Гер потрогал складку одежды, где днём лежало серебро.

— Сегодня ничего.

Сестра посмотрела ему на запястье.

— Это птица?

— Птица.

— Больше не ходи к ней.

— Не пойду.

Мелитта взяла его за край рукава и повела в комнату. Там осталась похлёбка, которую Тесилла отложила, когда ей принесли плату. Гер сел. От тяжёлого кувшина болело плечо; он прикасался к нему и каждый раз забывал, что трогать больно.

Сестра легла, поджав ноги. Её ступни высунулись из-под ткани.

— Мне скучно было, — сказала она.

— Завтра я тут буду.

— Ты всё время так говоришь.

Гер посмотрел на неё, но сестра уже отвернулась к стене. Он доел молча. Потом снял широкую одежду. Бронзовая печать выпала на циновку.

Он поднял её. Состpат, верно, искал, когда завязывал свои вещи. Гер забыл отдать. Теперь можно было бы сказать, что взял в счёт платы, или что Состpат сам бросил.

Печать поместилась между большим и указательным пальцами. За такую вещь могли дать еду. Гер завернул её в пустой обрывок ткани, прежде чем Мелитта повернулась.

Утром он сперва заглянул во двор Миррины. Никон не проснулся. Ион уже ушёл; рядом сидела женщина, которую Гер вчера привёл. Она попросила натаскать дров, и он ушёл собирать сухие обломки возле складов.

Через пять дней Никон открыл глаза, но говорить ещё не мог. Миррина поднесла к его губам чашку, и он отвернул голову. Гер был у двери с охапкой веток. Мальчик посмотрел

на них и вдруг потянулся к длинному пруту, торчавшему из середины.

— Не отдавай, — сказала старуха. — Уколется.

Гер отломил острый конец, обтёр кору подолом и положил прут возле подстилки. Никон взял его двумя пальцами. Держал плохо, прут скатился на землю. Гер поднял и снова положил рядом.

Миррина ничего ему не сказала.

На широкую одежду Сострата нашёлся покупатель. Гер не стал рассказывать ему, как удобно прятать в рукаве птицу. Только показал, что ткань целая. Печать он пока придержал.

Работы, на которой кормили каждый день, больше не было. Гер проходил мимо торга масла, смотрел, как покупатели проверяют вес, и задерживался, когда начинали спорить. Там его пока никто не прогонял.

Глава 3 Чужая недостача

Весы ничего не имели против правды. Люди подходили к вопросу осторожнее.

Аристон проверял гири так, будто надеялся поймать их на слове.

Он вынул из мешочка свои, поставил против масляниковых и дождался, пока чаши успокоятся. Потом поменял гири местами. Потом велел убрать со стола мокрую тряпку, хотя весов она не касалась.

Гер держал за ручки два пустых сосуда и смотрел на его пальцы. На безымянном сидел толстый золотой ободок; под ногтем указательного осталась вчерашняя грязь. Когда чаши сошлись вровень, покупатель поджал губы. Придраться было не к чему, и это явно испортило ему утро.

— Смотри у меня, — сказал он маслянику.

Тот кивнул. Гер уже слышал эти слова: Аристон говорил их весовщику, возчику, мальчику у ворот. С собаками он пока не торговал.

Мешочек со своими гирями покупатель отдал стоявшему за ним рабу. Тот был чуть выше Гера, тонкий в плечах, с волосами, неровно обрезанными над ушами. Он спрятал гири в складку одежды и снова взялся за носилки.

— Менон, — окликнул Аристон. — Ты оглох?

Мальчик поднял голову.

— Я сказал: сначала четыре этих. Если масло дрянь, вернёшь всё сам.

Гер поставил пустые сосуды возле стены. Двенадцатилетним он поднимал то, под чем в десять ещё подгибались колени, но масляник платил ему по-прежнему как маленькому. Сегодня Гер собирался исправить эту несправедливость чужими средствами.

До Лехея они с сестрой доехали на рассвете, устроившись с разрешения возчика между корзинами на телеге.

В Лехее между складами открывалась вода, зелёная у берега и тёмная за лодками. Мачты качались над неподвижными крышами. Возле длинных складских стен чинили паруса; иглы поблёскивали, когда мужчины поднимали руки. Там, где на солнце грели смолу, воздух дрожал. Гер смотрел под ноги: наступишь в чёрную каплю — потом целый день будешь собирать на неё пыль.

Мелитте исполнилось восемь; всю дорогу она придерживала корзину, которая норовила съехать Геру на ноги. Тесилла отпустила её с условием, что дети вернутся с тем же возчиком засветло. У пристани Мелитта нашла Филона. Он помогал разбирать старые канаты и успел обзавестись знакомым, который обещал взять его на судно, когда у того появится судно.

Гер нанялся во двор, где продавали масло. Он приходил сюда и раньше, когда требовалось перетаскать сосуды, вымести черепки или сбегать за верёвкой. Утром ему уже за-

платили за разгруженную телегу: два тонких обрезка серебра лежали в завязанном уголке рубахи. На них можно было поесть и принести немного домой.

Этого было мало. Гер хотел купить ячменя на несколько дней, чтобы Мелитта не спрашивала вечером, что будет утром. Ещё хотелось хоть раз уйти с торга, не подсчитывая, сколько осталось до чужой лепёшки.

За две зимы он выучил, у какого торговца надо показывать ладони, а у какого — прятать. Миррину иногда встречал возле источника. Она отвечала на приветствие, но никогда не начинала разговора первой. Никон теперь ходил с ней; о том, как долго он потом лежал, Гер знал больше, чем хотел вспоминать.

Сегодня дело было иное. У Аристона никто не болел, во всяком случае никто из тех, за кого он стал бы платить. У него был склад у пристани, собственные носильщики и пояс, в который ушло бы три Геровых рубахи. В прошлый раз он вычел у возчика за треснувшую ручку, хотя сам толкнул сосуд ногой. Гер тогда видел всё от начала до конца.

Масляник наливал. Аристон водил пальцем по краю сосуда, нюхал палец и снова требовал поднести масло к свету. Менон стоял с носилками. Когда хозяин отворачивался, он переставлял босую ногу с ребра камня на гладкое место.

Гер незаметно тронул его локоть.

— Подвинься. Здесь ровно.

Менон посмотрел на него и отступил на полшага.

У ворот остановилась телега с пустыми горшками. Человек в короткой одежде, испачканной сухой глиной, принёс связку небольших масляных чашек. Одну поставил отдельно, потому что у неё был сколот край.

— За эту не возьму, — сказал он.

Масляник покрутил чашку.

— Мне и со сколом годится.

— Тебе годится. Я за неё не возьму.

Гер поглядел на человека внимательнее. Тот как будто не торговался, а сообщал, какой сегодня день.

— Эвбул, оставь пока под навесом, — сказал масляник. — Видишь, я занят.

— Вижу.

Аристон велел наполнить ещё один сосуд.

— Пять, — сказал Гер.

— Я умею считать.

— Тогда положить пятую подкладку? Четыре уже лежат на носилках.

Аристон посмотрел на него, словно Гер сам придумал пятый сосуд ради лишней платы, и махнул рукой.

Эвбул поставил свои чашки под навес. Гер успел заметить, как он провёл большим пальцем по трещине на полке и подложил под неё щепку. Потом гончар сел возле ворот, дожидаясь расчёта.

Гер подошёл к весам. На одном конце стола лежали проверенные гири, на другом — узкий нож для обрезков серебра.

Под рубахой у него были две другие гири, похожие на большие масляниковы, только тяжелее. Он подобрал их заранее, а вчера долго сравнивал вес на маленьких чашах у торговца старым железом. Разницу запомнил.

Масляник отнёс последний сосуд к носилкам. Аристон пошёл следом, чтобы проверить, хорошо ли подложена солома. Гер положил на стол свою пару. Прежняя скользнула под край сложенной тряпки.

Когда они вернулись, всё лежало как прежде.

— Отвесь, — сказал Аристон Менону.

Тот опустил носилки, достал серебро из маленького кожаного мешка и начал класть обрезки на чашу. Гер подставил гири. Весы качнулись и замерли с явным перевесом.

Менон добавил ещё.

— Хватит, — сказал Аристон.

— Чаша не идёт, — ответил мальчик.

— Я вижу.

Менон долго искал в мешке кусок поменьше. Аристон отнял мешок, сам отрезал серебро и положил сверху.

Гер придержал весы за кольцо. Чаши сошлись.

— И здесь скол, — крикнул масляник, оглядывавший сосуды. — Выбирай другой, если этот не хочешь.

Аристон повернулся. Гер сгреб серебро в чашку, снял гири. Настоящая пара снова легла на своё место. Он отделил заранее рассчитанную разницу и спрятал под рубаху. Масляник подошёл, ещё раз проверил полученное на весах и убрал

плату. Недостачи у него не было.

Никто не вскрикнул. Никто не схватил его за запястье. Менон унёс носилки, масляник принялся рассчитываться с гончаром, Аристон стал объяснять, почему солома должна доставаться покупателю бесплатно.

Гер едва удержался, чтобы не улыбнуться ему прямо в лицо.

Он сделал всё чисто. Богатый человек проверил каждую вещь, о которой знал, и не заметил единственной, о которой не знал. Теперь Гер мог купить ячменя, не вымаливая скидку, а вечером сидеть рядом с сестрой и не уходить, когда она начнёт рассказывать.

Эвбул вышел за ворота. Гер догнал его с пустой связкой от чашек.

— Отнесу на телегу?

— Отнеси.

— Тебе за пять сосудов платят столько же, сколько за четыре? — спросил гончар, когда Гер вернулся.

— Мне — столько же.

— А цену масла ты в уме пересчитал.

— Она на столе лежит. Нужно только смотреть.

Эвбул усмехнулся и взял связку.

Гер решил, что понравился ему. Он и сам был вполне собой доволен.

Мелитта сидела на свёрнутом канате и вынимала занозу из Филонова пальца. Увидев брата с мешочком ячменя, она

бросила палец так решительно, что Филон зашипел.

— А ещё? — спросила она.

Гер показал маленькую вязанку сухих щепок. За ячмень и щепки он отдал меньший кусок из добычи, сдачу сунул за пояс. Два больших пока оставались при нём, отдельно от утренней платы.

— Купим масла, — сказал он. — И я больше сегодня не работаю.

Филон посмотрел на мешочек.

— Тебе столько дали?

Гер сел рядом. Под навесом пахло старой верёвкой, смолой и рыбьей чешуёй. Он вытянул ноги.

— Аристон оказался щедрым человеком.

— Сам?

— Немного помог.

Мелитта перестала перебирать щепки.

Гер рассказал вполголоса. Не всё: только то, как покупатель совал нос в каждый сосуд и всё-таки положил больше серебра, чем следовало. В рассказе выходило смешно. Филон даже успел улыбнуться, но к концу улыбка пропала.

— Я его раба видел, — сказал он. — Во дворе за складом.

— Которого?

— Менона. Аристон пересчитал серебро и сказал, тот взял. Велел привязать к столбу. Я заходил вернуть носилки.

Гер сел ровнее.

— А он что?

— Говорил, что хозяин сам клал на весы. Тот велел ему закрыть рот.

Филон ещё потёр повреждённый палец, потом сунул его между коленями.

Гер посмотрел на мешочек с ячменём. Мелитта обняла его обеими руками.

— Это хозяин у него такой, — сказал Гер. — Я же Менона не бил.

Никто не ответил. Снаружи трое мужчин тянули канат, и один считал вслух. На каждом третьем числе другой ругался.

— Масляник получил сколько надо, — продолжил Гер. — Аристон не разорился. Он всегда орёт на всех.

Мелитта поставила ячмень на землю.

— Кто положил другие гири?

Гер потянул за край каната. Пеньковые волокна зацепились за ноготь.

— Ты же слышала.

— Скажи.

Филон отвернулся к пристани. Это было хуже, чем если бы он засмеялся.

— Я, — сказал Гер.

Мелитта прижала мешочек коленями и начала развязывать узел.

— Подожди. Что ты делаешь?

— Отдадим обратно.

— Тебе там не отдадут серебра.

— Тогда заберут ячмень.

Гер удержал её руку. Он знал торговца крупой: тот уже взял свою плату и не стал бы менять решение из-за того, что какой-то мальчик попался на собственной ловкости. Если же нести ячмень Аристону, тот мог бросить его курам и всё равно оставить Менона у столба.

— Оставь, — сказал Гер. — Я схожу.

— Куда?

— За своими гирями. Они у весов, под лавкой. Потом к нему.

— А я?

Гер поглядел на Филона.

— Побудь с ней. Только не уходите на судно.

— Меня пока не зовут, — сказал Филон.

Он не улыбнулся. Гер поднялся.

Масляник ушёл есть, и его работник не хотел пускать мальчишку под навес. Гер показал, где лежит его маленький свёрток, вытащил поддельную пару и побежал искать Эвбула. Тот договаривался с возчиком, где оставить телегу до вечера.

— Мне нужны твои весы, — сказал Гер.

— У меня их нет с собой.

— Тогда пойдём обратно во двор. Ненадолго.

Гончар посмотрел на свёрток.

— Покажи.

Гер развернул ткань. На ладони лежали две серые гири.

Эвбул взял одну, провёл пальцем по краю.

— Масляниковы?

— Нет.

Гончар помолчал.

— Что ты натворил?

Гер начал было объяснять про Аристона. Эвбул вернул ему гирю.

— Про него после. Что сделал ты?

Пришлось рассказать. На этот раз ничего смешного не получилось.

Они вернулись под навес. Эвбул велел работнику дать чаши. Гер сравнил обе пары, отвесил разницу серебром, потом выложил свою добычу.

Не хватало.

Вчера ему казалось, что после этой проделки можно будет несколько дней не искать работу. Теперь оставшееся серебро лежало перед ним в одной чаше, и чашу ещё надо было дополнить.

Гер развязал уголок рубахи. Два тонких утренних обрезка звякнули о край.

— Вот, — сказал он.

Весы качнулись. Почти сошлось. Гер сдвинул один кусочек, как будто это могло помочь, но чаши снова заняли прежнее положение.

— Серебра от этого прибавится? — спросил Эвбул.

Гер вспыхнул. Раньше ему нравилось, когда взрослые за-

мечали, как хорошо у него работают пальцы.

Он достал из-за пояса совсем маленький обломок, оставшийся от платы за щепки. Теперь хватило. Даже осталась серебряная стружка, за которую никто бы не стал отвешивать ячмень отдельно.

— Ты сколько раз подменял? — спросил гончар.

— Сегодня один.

— Именно его?

— Да.

— Пойдём.

Эвбул забрал обе поддельные гири. Гер хотел попросить вернуть, но удержался. Им предстояло идти к Аристону, и спорить из-за свинца было сейчас невыгодно.

Двор Аристона находился за длинным складом, по другую сторону пристани. Они прошли мимо вытащенной на берег лодки. На скамье возле неё сидел певец с лирой; перед ним стояла неглубокая чашка с несколькими кусочками серебра.

У певца были загорелые колени, пыльный подол и седина в рыжеватой бороде. Он слушал человека со спущенной на перевязи рукой. Тот говорил тихо и неловко, всё оглядываясь на опустевшую чашку у собственного пояса.

— Мне нечем, — расслышал Гер.

— Я видел, — ответил певец. — Ты до конца хочешь?

Человек кивнул.

Певец прижал лиру к себе. Правая рука прошла по струнам; пальцы левой едва заметно дрогнули. Голос был

негромкий, с хрипотцой, которая пропала, как только он запел.

Он пел о лодке, вернувшейся без хозяина, и о мальчике, который не дал вытащить её из воды, потому что не все же могут приходить домой вовремя. Гер успел услышать только несколько слов. Под ними прошёл короткий напев, задержался на одном звуке и свернул туда, куда Гер не ожидал.

Он сбился с шага.

Певец посмотрел на него, не прерывая песни. Гер пошёл дальше. К складу уже подходил Эвбул.

У столба стоял Менон. Его руки были связаны за деревом так высоко, что он не мог опустить плечи. На спине пересекались красные полосы. Гер остановился у ворот; ему ещё хотелось, чтобы Филон ошибся хоть в чём-нибудь.

Аристон ел под навесом. Возле его локтя лежала трость.

— Эвбул? — сказал он. — Твои чашки я не заказывал.

— Я не с чашками.

Гончар отступил в сторону. Гер остался перед покупателем.

Он высыпал серебро на низкий стол.

Аристон перестал жевать.

— Откуда?

— Из твоего мешка.

Покупатель поднялся так быстро, что стол качнулся. Гер отступил; Эвбул стоял у него за спиной.

— Я подменил гири, — сказал Гер. — При расчёте. У мас-

ляника.

Аристон схватил его за ворот и подтянул к себе. Гер успел заметить масло на золотом ободке. Ворот врезался в шею.

— И вы пришли это мне сказать?

Эвбул положил две гири рядом с серебром.

— Проверишь разницу. То, что переплатил, здесь.

— Зачем мне разница? Я знаю, сколько украли.

— Тогда считай.

Аристон не отпустил Гера. Свободной рукой раздвинул кусочки по столу. Под навесом было тихо. За спиной Гер слышал, как Менон втягивает воздух через нос.

— Отпусти его, — сказал Гер.

— Тебя?

— Менона.

Аристон повёл глазами к столбу.

— Ты ещё указывать станешь?

Гер хотел сказать, что деньги вернул и теперь всё сошлось. Но Менон по-прежнему не мог опустить руки, и на его спине ничего не сошлось.

— Он не брал, — сказал Гер.

— Я уже понял.

Аристон толкнул его к гончару.

— Забирай своего мальчишку, Эвбул.

— Он не мой.

— Тем более забирай. Пока не передумал.

Гончар не двинулся.

Аристон посмотрел на него, потом на серебро. Во дворе стояли двое его работников. Один держал в руке деревянную чашу и, заметив взгляд хозяина, поставил её на землю.

— Развяжи, — сказал Аристон ему. — И за работу. До вечера ничего не сделал.

Работник подошёл к столбу. Менон попытался подать руки назад, но не смог. Когда верёвка отпала, он долго стоял с приподнятыми плечами, будто всё ещё ждал, что его удержат.

Гер шагнул к нему.

— Давай помогу.

Менон отступил.

— Не трогай.

Гер остановился. Под ноги попал край верёвки; он перенёс ступню, чтобы не задеть.

Менон посмотрел на него. Теперь Гер увидел, что тот вовсе не так уж намного старше.

— Ты это с весами?

Гер кивнул.

— Я видел, как ты руки убрал. Думал, ты помогаешь.

Со склада позвали. Менон пошёл туда, не оборачиваясь. Одна рука висела ниже другой.

За воротами Эвбул развернул Гера к себе и осмотрел ворот. На шее осталась красная полоса.

— Дышишь?

Гер кивнул.

— Хорошо. Пойдём к твоей сестре.

У канатов всё было как прежде, только Мелитта успела аккуратно перевязать ячмень. Она увидела шею брата и поднялась ему навстречу.

— Отпустил?

— Развязали.

— А тебе?

— Ничего.

Сестра посмотрела на его ворот, но больше не спросила. Гер сел на канат. Филон подвигался, освобождая место. Ещё утром рядом с ними было удобно сидеть.

— Мешок оставляй, — сказал Гер Мелитте. — Теперь за него заплачено.

Она присела и поставила мешочек рядом с братом. Некоторое время они сидели молча. Эвбул договорился с возчиком, чтобы дети вернулись с его горшками; прежняя телега ушла бы раньше, а ему ещё требовалось забрать остаток товара.

Гер поднял глаза на гончара.

— Почему он меня отпустил?

— Потому что получил серебро обратно.

— Менона он бил без серебра.

Эвбул провёл ладонью по затылку.

— Ты сам до этого додумался. Не потеряй.

Гер отвернулся. Под рубахой стало пусто и легко. Ему казалось, что он оставил у Аристона гораздо больше, чем по-

ложил на стол.

Гончар сел на край бревна.

— Мне нужен мальчик во двор. Глину переносить, за водой ходить. Иногда считать сосуды перед отправкой. Сможешь?

Гер помолчал.

— Сколько даёшь?

Филон повернул к нему голову. Гер не поднял глаз: спрашивать о плате ему пока хотелось тихо.

— Если приходишь на полный день, кормлю. За работу плачу в конце дня. Серебро будет небольшое, сразу говорю.

— Сестре можно принести?

— Из своего. И пока поймёшь, что тебе доверили, будешь работать у меня на виду.

Гер посмотрел на его руки. Под ногтями сидела глина, на большом пальце давно заживший разрез разошёлся снова.

— Считать я умею, — сказал он.

— Видел. Утром приходи. Где мой двор, знаешь?

Гер знал. Он проходил там, когда искал, что можно поднять с земли и унести. Теперь придётся входить через ворота.

Эвбул ушёл за горшками. До отъезда оставалось время. Мелитта, заметив, как Гер глядит через её голову, сама посмотрела в сторону лодки.

— Что там?

— Песня.

— Он уже не поёт.

— Подожди меня здесь.

— Опять?

— Я буду у скамьи. Отсюда видно.

Она села рядом с Филоном. Гер дошёл до лодки и остановился возле певца. Тот складывал в чашку костяную пластинку, привязанную к лире шнурком. Человек с повреждённой рукой уже ушёл.

Гер повторил вполголоса напев. Последний звук вышел коротким и плоским. Он начал снова.

— Там не так, — сказал певец.

— Знаю.

— Тогда зачем второй раз так же?

Гер замолчал. Весь день у него только и делали, что замечали руки, горло и то, чего он ещё не умел.

— Я слышал, — сказал он. — Где про лодку.

— Ты прошёл мимо.

— Мне надо было.

Певец взглянул на его шею. Ничего не спросил. Поднял лиру, поправил ремень у запястья и провёл правой рукой по струнам.

Гер подхватил голосом.

— Подожди, — сказал певец.

Он сыграл ещё раз. Гер следил за пластинкой. Та коснулась нескольких струн сразу, а прозвучали не все: пальцы другой руки лежали на них свободно, будто отдыхали.

— Вот здесь, — сказал Гер.

— Ты опять начал раньше конца.

— Я уже понял.

Певец опустил руку на струны.

— Меня зовут Ликон. А тебя?

— Гер.

— Гер, ты пришёл, чтобы я тебя послушал?

Он сказал это спокойно. От спокойного голоса хотелось ответить прямо; Гер и сам удивился.

— Я хочу так же.

— Тогда сначала послушай меня.

Ликон подождал, пока у соседней лодки перестанут бить по доске, и начал тот короткий оборот. Гер удержал рот закрытым. На знакомом месте напев приподнялся; Гер уже знал, куда ему идти дальше, но Ликон не торопился. Струна ещё звучала, голос чуть задержался. Потом оба стихли.

Гер вдохнул и повторил.

Середину он достал. В конце снова поспешил, хотя теперь слышал, где именно.

— Ещё, — сказал Ликон.

После третьего раза Гер уже не смотрел на лиру. После четвёртого Ликон кивнул.

— Рот открой свободнее. Ты не прячешь песню от сборщика.

Гер усмехнулся, и последний звук уехал совсем не туда.

— Ну, вот и ещё одна дорога, — сказал Ликон. — Туда

пока не надо.

У Гера заурчало в животе. Он торопливо прижал локоть к боку.

— Ещё раз можно?

Ликон оглянулся на телеги. Эвбул поднял руку; возле него стояла Мелитта с мешочком.

— На сегодня хватит.

Гер переминался. Теперь, когда певец перестал, напев опять ускользал в середине. Хотелось попросить его начать ещё раз, только один, чтобы забрать всё с собой.

— Я буду играть у источника, — сказал Ликон. — Завтра после полудня, если ветер не переменится. Обычно сижу там до вечера. Можешь прийти. Послушаем, что у тебя осталось.

— Я с утра работаю.

— Тем лучше. Сытый голос держится ровнее.

— А сколько за это?

Певец взял свою чашку, высыпал серебро за пояс. Подумал.

— Сначала узнаем, приходишь ли ты второй раз. Потом будем торговаться.

Гер посмотрел на лиру.

— Я могу таскать твои вещи.

— Пока донеси себя. Придёшь, когда с работой отпустят.

Эвбул окликнул со двора. Гер побежал к телеге; Мелитта уже взбиралась между горшками. Он подхватил её мешочек и передал наверх. Филон отказался ехать: ему обещали плату

после того, как уберут канаты. Он показал Мелитте палец: заноза всё ещё сидела под кожей.

Гер сел возле Мелитты. Под ним лежала сложенная попона, в ногах стукались два связанных горшка. Возчик поднял вожжи.

Когда лодка скрылась за складом, Гер тихо попробовал напев. Сестра подняла голову.

— Что?

Он начал снова, но телега подпрыгнула, и голос сорвался.

Мелитта прыснула. Гер тоже засмеялся, хотя от смеха сразу заболела шея.

На повороте она придержала мешочек, а он — горшки. Гер дождался, пока колёса вышли на ровную дорогу, и попробовал ещё раз. Теперь ему удалось не проглотить последний звук.

Глава 4 Глина помнит пальцы

У хорошего гончара даже черепки давали дельные советы. В основном запоздалые.

Первую чашку в тот день разбил Эвбул.

Он стукнул по ней костяшкой пальца, повертел у самого уха, потом положил на край камня и ударил другой стороной. Чашка распалась неровно. Большой обломок остался у него в руке; два маленьких отлетели Геру под ноги.

— Слышал? — спросил гончар.

Гер кивнул. Чашка отозвалась глухо, хотя трещины он сперва не заметил. Теперь она была видна на изломе: тёмная волосная черта уходила в стенку почти до самого дна.

Эвбул протянул ему обломок.

— Эту в ящик. Не на продажу.

В ящике лежали черепки, по которым Гер учился смотреть. У одного почерневший край был пережжён и шероховат, у другого ровная чёрная полоска вдруг рыжела с одной стороны. Эвбул помнил, где они стояли в печи и когда подвели огонь. По одному цвету Гер ещё не умел восстановить весь обжиг, но уже перестал объяснять каждое пятно дурной глиной.

На верхней полке стоял сосуд со зверями. По светлому боку шли чёрные львы; меж ними теснились маленькие цветы. Гер однажды спросил Анфия, видел ли тот живого льва.

Анфий ответил, что за живого ему заплатили бы больше, и велел не заслонять свет.

Из-за стены донёсся голос Дексия:

— И два сюда не ставь. Эти мне нужны.

Дексий обжигал посуду вместе с хозяином и сохранял некоторые неудачные вещи с такой ревностью, словно они стоили дороже удачных. Иногда так и выходило: за испорченной чашкой можно было посмотреть, в каком месте печь съела серебро.

Гер поднял оба мелких осколка. На одном уцелел след пальца, которым гончар когда-то пригладил край. После огня углубление стало твёрдым; выправить его уже было нельзя.

— Хороших тридцать шесть, — сказал Гер.

— Пересчитал?

— Дважды.

— Тогда пока не трогай.

Геру исполнилось четырнадцать. С того утра, когда он впервые вошёл в этот двор на работу, миновало две зимы. Первую неделю Эвбул не оставлял его возле готовой посуды одного. Потом доверил полку. Теперь Гер мог принимать небольшую плату, считать отправляемое и спорить с покупателем о том, кто заметил скол раньше. Спорить ему нравилось больше, чем мыть сосуды, но руки по вечерам пахли глиной независимо от успехов в разговоре.

К Ликону он на следующий день тогда пришёл — после

работы, с едой, которую сумел отложить. Певец выслушал знакомый напев, нашёл в нём новую ошибку и взял хлеб. Позднее за занятия Гер приносил то обед, то небольшое серебро, иногда помогал донести вещи. Ликон бывал в Коринфе неделями, уезжал, возвращался и первым делом проверял, не исчезло ли за время разлуки то, что они выучили.

Когда учитель оставался в городе, Гер упражнялся на его старой лире. Во время отъездов пел, отбивал движение правой руки на дощечке, а левую приучал к тому, что одни пальцы должны касаться, другие — отступать. Дощечка слушалась превосходно. Со струнами дело шло хуже.

Мелитте было десять. Теперь её пускали под навес мастерской; она умела ставить чашки так, чтобы края не тёрлись, и замечала лишнюю на полке раньше брата. Записывать ещё только училась. Вчера Эвбул дал ей черепок, показал несколько знаков и велел принести сегодня, если захочет продолжить.

Она принесла. Гер увидел черепок у неё на коленях, когда вышел с осколками из-под навеса. Вместо знаков на нём пока стояли неровные царапины. Сестра провела по одной ногтем и спрятала черепок под подол.

— Всё видно, — сказал Гер.

— Тебе не показываю.

Он хотел спросить почему, но в воротах появился Дамон.

Торговец зерном приходил сюда редко. Обычно присылал человека, который умел ждать, пока хозяин закончит у кру-

га, и не боялся запачкать сандалии. Дамон ступал возле луж осторожно; стоявший за ним помощник следил, не придётся ли хозяину отступить, и заранее освобождал место.

— Готово? — спросил торговец.

Эвбул вытер руки.

— Тридцать шесть, как заказывал.

Чашки были простые, с тёмным ободком, без зверей и шествий. Дамон собирал гостей на своём дворе и хотел одинаковую посуду, чтобы никому не пришлось замечать, кто пьёт из чего. Гер слышал, что гости будут важные. Важным людям, выходит, тоже требовалась чашка.

Торговец провёл ладонью над рядами.

— Возьму, если уступишь четверть.

Эвбул продолжал вытирать пальцы, хотя они уже были сухими.

— О цене мы договорились.

— А я ещё мог заказать в другом месте.

— Мог.

— Там уступили бы.

— Тогда закажи там.

Гер перестал подбирать черепки. Под навесом Анфий замер возле своей доски. Он делал небольшие сосуды и в этот двор пришёл с готовой рукой; передвигать чужую чашку без разрешения ему никто не запрещал. Сейчас он смотрел на Эвбула так, словно надеялся услышать ещё что-нибудь.

Дамон взял чашку за край, поднял к свету и поставил на

место.

— Мне подождать нетрудно. Тебе тоже?

Эвбул отложил тряпку.

Торговец улыбнулся, но не стал говорить дальше. Платить вперёд он не захотел ещё при заказе. Тогда у Эвбула были другие покупатели и время дождаться денег. За прошедшие дни пришлось расплатиться за топливо и подвоз глины; Анфию и Дексию полагалась плата за работу. Гер знал, сколько серебра осталось у хозяина. Даже с посудой Дамона в уме получалось тесно.

— Сколько тебе нужно времени? — спросил гончар.

— Я никуда не тороплюсь.

Дамон взглянул на Гера и впервые заметил осколки у него в руке.

— Хорошо, что сам отбираешь.

Он пошёл к воротам. Помощник проводил его мимо луж, как будто дороги уже успели испортиться за время разговора.

Анфий опять наклонился к доске. Дексий вышел из-за печи, глянул на чашки и сел возле бочки с водой.

— Всё-таки отдал бы, — сказал он. — Дальше ещё закажет.

— Может быть, — ответил Эвбул.

Гер положил обломки в ящик.

— Я продам.

Гончар посмотрел на него.

— Кому?

— Которым не нужно сразу тридцать шесть.

— Я их тоже знаю. Им привезти надо. Один возьмёт пять, другой две.

Гер присел возле полки. Если соединить покупки, выходило иначе. Возчик не станет брать плату отдельно за каждую чашку. Нужно собрать людей, которым посуда нужна сегодня или завтра, и отвезти разом. Тем, кто не хотел платить за целую дорогу ради нескольких вещей, такая покупка могла понравиться.

— Дай мне до вечера, — сказал он.

Эвбул посмотрел на Анфия.

— Ладно. Узнавай. Только не говори, что чашки уже у них на столе.

У Гера сразу нашлось, куда бежать.

Он вернулся, когда под навесом вытянулись тени. Десять чашек обещал взять повар в доме возле торга. Ещё двенадцать — человек, продававший вино у Лехея. Восемь нужны были хозяйке, которая кормила приезжих возле гавани. Раньше она жаловалась Геру, что её гости разбивают посуду охотнее, чем оплачивают еду. Гер сказал, что теперь ей не придётся платить за отдельную телегу, и жалоба быстро превратилась в заказ.

— Тридцать, — сказал он Эвбулу. — Шесть остаются.

— И когда отвезёшь?

— Утром. Повару отнесу здесь. Остальное возчик возьмёт

по дороге в гавань.

— Ты с ним говорил?

Гер говорил. Возчик согласился зайти к мастерской на рассвете. Из города ему предстояло ехать с зерном к Лехею; за две корзины чашек попросил немного. Гер счёл это удачей. За такую плату можно было рассчитывать сразу с тремя покупателями и ещё оставить что-то себе.

Эвбул велел назвать цену подвоза, затем дважды уточнил, платят ли покупатели при получении. Гер отвечал быстро. Срок он назначил сам: до полудня. После этого можно было вернуться в город, закончить свои дела и отнести Ликону футляр.

Певец вернулся позавчера. У большого дорожного футляра разошёлся шов, крышка цеплялась за выступившую щепу. Ликон отдал его Геру, когда тот предложил починить, и обещал взамен старую ученическую лиру. Гер давно хотел свою. Лучший инструмент, который он присматривал у ремесленника, пока оставался слишком дорог; для него лежало припрятанное серебро, но даже с ним не хватало.

Ещё до рассвета Гер отнёс десять чашек повару. Тот впустил его через боковую дверь. Во дворе мерцал огонь; за навесом темнели ровные деревянные стойки. Пока Гер вынимал чашки, женщина прошла с полным кувшином и плеснула воду на каменный пол, где он наследил. Гер поджал грязные пальцы ног, хотя следов от этого меньше не стало.

Получил плату и, возвращаясь, нащупывал её в завязан-

ном уголке одежды. Всё начиналось хорошо.

В мастерской Анфий укладывал остальные двадцать. Мелитта считала вслух, касаясь каждого донышка. Возле неё Эвбул процарапал на черепке два ряда коротких знаков.

— Эти сюда. Те в другую корзину, — говорил он. — Потом не угадывай по тому, что помнишь. Проверяй.

Гер посмотрел на одну плоскую отметку.

— Двенадцать?

— Я сама, — сказала сестра.

Эвбул дал ей черепок. Гер удержался от ответа. Ему хотелось поскорее закончить, а они ещё учились.

К рассвету возчик не пришёл.

Когда солнце поднялось над стеной, Гер сходил до поворота. Там ещё стояли телеги. На его вопрос ему ответили, что колесу требовалась починка, и что теперь нужно подождать людей с зерном. Он вернулся, сказав себе, что дорога короткая.

Дексий предложил поискать другого. Гер отказался: тот возьмёт полную плату за поездку. За отсрочку платить не приходилось.

К полудню эта выгода перестала ему нравиться.

Возчик появился запыхавшийся. Телега была нагружена мешками; обод починенного колеса отличался светлым деревом. Гер взялся за корзину.

— Ты должен был прийти раньше.

— Я тоже так думал, — ответил возчик.

Анфий поставил корзины на телегу и закрепил. Гер отдал возчику оговорённую плату и сел рядом. У ворот Эвбул взял его за локоть.

— Скажи людям, что опаздываешь. Не заставляй ждать зря, если ещё не поздно предупредить.

— Сам скажу. Я с чашками буду.

Гер ещё надеялся успеть до того, как придётся объясняться. Эвбул отпустил его руку.

У одной корзины шнур закреплялся маленьким комком глины с оттиском. Это была привычка Эвбула при чужом подвозе; посуду удерживала верёвка, а повреждённый комок говорил, что шнур развязывали. Гер помогал ставить такие комки и умел выравнивать край, не придавив рисунок.

Теперь глина темнела возле шнура. Оттиск вышел резким; у самой кромки торчала тонкая полоска, потянутая печатью. На домашней пробе с бронзовой звездой Состратa он видел такую же. Если глина успевала подсохнуть, край крошился иначе. Эвбул однажды велел ему сделать десять оттисков подряд и менять нажим. В последний вышло хорошо, только хозяин выбрал для сравнения второй.

Бронзовую звезду Гер всё ещё держал у себя. Сестре не показывал. О том, кому она принадлежала, Эвбул не спрашивал: для проб в мастерской у него были свои вещи.

Телега выбралась на дорогу. Гер придерживал корзины на выбоинах, потом устроился удобнее. Возчик пустил волов ровнее. К полудню они уже опоздали; теперь хотелось хотя

бы не опоздать ещё больше.

На неровном спуске телегу качнуло. Гер схватил дальнюю корзину, ближняя ударилась краем о мешок. Сначала внутри коротко стукнуло, потом что-то хрустнуло, как ломается сухая лепёшка.

Возчик остановился.

— Держал же? — спросил он.

Гер разрезал оба шнура. Две чашки лежали боком, прижатые остальными; от края до дна шли трещины. Ещё у двух раскололись края. Он проверил каждую, медленно проводя пальцем, пока не почувствовал под ногтем острую крошку.

Четыре. В корзине для винного торговца уцелели девять; в другой — семь.

— Мелкие обломки убери, — сказал возчик. — Завяжем заново.

— Им такие не нужны.

— Я про хорошие. На вид-то корзина цела.

Возчик смял прежний глиняный комок, добавил воды из своего кувшина и надавил на оставшийся след. Шнур снова вошёл в мягкую глину, но возле рисунка осталось углубление от его большого пальца. Оттиск расползся.

— Готово.

Гер смотрел на комок. На одном краю, где у печати Эвбула был скол, привычная линия тоже исчезла. Можно было добраться до гавани, показать целый шнур и сказать, что чашки разбили позже. Покупатели сами бы разбирались с воз-

чиком. А если тот поспешит уехать, может быть, не станут и спорить.

Гер опустил руку.

— Я скажу, где разбилось.

Возчик покачал головой и пошёл к волам.

Винный торговец принял девять чашек вместо двенадцати. Заплатил только за принятые и потребовал, чтобы Гер вынес черепки со двора. Когда мальчик начал объяснять, почему задержались, тот показал на длинный ряд пустых сосудов.

— Мне приходилось объяснять своим людям. Теперь тебе придётся своим.

Вторая хозяйка чашек не взяла. Семь целых из восьми Гер поставил перед ней на стол и предложил подвезти ещё одну назавтра.

— Я уже купила, — сказала она. — Ты сказал до полудня. У меня едят сейчас.

Гер начал было торговаться. В чужом дворе пахло рыбой и тёплым хлебом; возле стола работница разливала вино в посуду, которая уже нашлась без него. Уговорить хозяйку ждать до завтра было всё равно что продать ей вчерашний вечер.

Он убрал чашки.

Назад корзина казалась тяжелее полной. Возчик хотел сначала отвезти пустые мешки в другой двор и предложил Геру подождать. Тот нашёл двух носильщиков, заплатил за

доставку корзины в город и пошёл с ними. До мастерской добрался, когда под навесом уже убирали инструменты.

Мелитта спрыгнула с низкой скамьи.

— Почему принёс?

— Не взяли.

Она развязала шнур, глянула на комок и потёрла свой палец, испачканный глиной. Потом поставила рядом черепок с утренними знаками.

Эвбул выслушал Гера. Не стал пересчитывать чашки — дождался, пока тот назовёт число сам.

— Девятнадцать продано, — сказал Гер. — Эти семь вернулись. Шесть здесь. Четыре разбиты.

— Теперь серебро.

Гер разложил плату возле двух чаш весов. Потом назвал возчика, носильщиков, ещё раз покупателей. Во время утреннего расчёта у него оставалось заметно больше; сейчас он начал объяснять, что хозяйка в гавани могла бы взять завтра, а ещё есть люди, которым нужны оставшиеся тринадцать.

— Это завтра, — сказал Эвбул. — Что у тебя сегодня?

Гер пересчитал. Без собственной доли хватало на работу Анфия и Дексия, но нужно было вычесть уже уплаченную доставку домой. Он двигал кусочки серебра, пытаясь найти способ, при котором никто не уйдёт с пустой рукой.

Анфий привалился к стене. На пальцах у него подсохла глина, белая в складках. Дексий сидел возле своей бочки и

ждал, хотя работы у него сегодня уже не было.

— Им до завтра нельзя? — спросил Гер.

Анфий опустил голову.

— Я жене сказал, что принесу сегодня. Ты вчера тоже слышал.

Гер слышал. Тогда этот разговор казался ему мелочью: серебро должно было прийти вовремя. В расчёте стояла плата за две пары рук, и руки ему не возражали.

Он поднялся, взял семь вернувшихся чашек и расставил на полке. Дексий спросил, нужно ли помочь. Гер ответил, что справится, и вышел в заднюю часть двора, где хранил свои вещи.

Припрятанное серебро лежало в маленьком мешочке. Гер вытряхнул его на ладонь, отобрал нужное и пересчитал остаток. До хорошей лиры снова стало далеко.

Когда он вернулся, Эвбул уже развязал свой кошель.

— Я доплачу, — сказал Гер.

— Не весь убыток на тебе.

— Подвоз я обещал. И носильщиков для обратной дороги нанял сам.

Он положил серебро на стол, отдельно от выручки. Гончар посмотрел на него, потом придвинул чаши.

Рассчитались при всех. Сначала Анфию и Дексию. Гер получил плату за свою обычную работу, но от доли за новых покупателей ничего не осталось. Часть прежних накоплений тоже ушла. Эвбул убрал в кошель немного серебра и остался

с непроданной посудой. Ни глина, ни дрова от этого обратно не появились.

— Мы всё-таки продали девятнадцать, — сказал Гер, когда работники ушли.

Эвбул кивнул.

— Да.

— И больше, чем дал бы Дамон за эти девятнадцать.

— Если бы доехали вовремя, было бы лучше.

Гер замолчал.

Мелитта принесла свой черепок. Она зачеркнула один ряд и попробовала поставить рядом новый. Эвбул присел к ней.

— Разбитые тоже отмечай. Оттого, что их нет, место для них не исчезло.

Он показал, как отличить один знак от другого. Сестра передвинула черепок поближе. Гер посмотрел ей через плечо, заметил ошибку и не вмешался. Она ещё не закончила.

Во дворе стало прохладно. Гер вспомнил про футляр. С утра он успел снять выступавшую щепку, но шов оставался незашитым. Ликон ждал его сегодня, а утром собирался в дорогу.

— Мне надо уйти, — сказал Гер.

Эвбул поднял голову.

— К певцу?

— Я ему обещал.

Гончар поглядел на неубранные верёвки возле корзин.

— Сначала закончи здесь. Потом иди.

Гер собрал обрывки, отнёс черепки, смыл с чаш весов глину. Прежде хотелось бросить всё на Анфия: тот всё равно сидел и ждал. Теперь Анфий уже ушёл домой с платой.

У источника Ликон затягивал ремень на дорожном мешке. Увидев Гера с футляром, он не стал улыбаться.

— Долго.

— Ездил к гавани.

— Футляр со мной поедет. Гавань остаётся.

Гер поставил ящик на землю и показал щепку, которой больше не было. Ликон открыл крышку, провёл по ней рукой, потом поглядел на разошедшийся шов.

— Эту половину сам заметил, — сказал он.

— Нужна игла.

Певец достал из мешка свёрток. В нём лежали игла и прочная нить. Гер сел на камень; Ликон устроился напротив и придерживал кожу, пока мальчик выводил нить из старого отверстия в новое. Торопиться не стоило: край уже был надорван. Один стежок пришлось распустить.

— Что ты всё нажимаешь? — спросил Ликон. — Глина у тебя вместо кожи?

Гер поднял глаза.

— Сегодня была послушнее.

Певец хмыкнул. На следующий стежок Гер пустил нить свободнее. Крышка закрылась без скрипа и больше не цепляла подкладку.

Ликон достал старую лиру. У тёмного корпуса протёрлось

место, где касалось предплечье; ремень был свежий, одна струна отличалась цветом.

Гер взял лиру обеими руками.

Ликон дал ему плектр и велел сыграть упражнение. За две зимы Гер выучил несколько коротких напевов, умел подхватить голос, если Ликон начинал медленно, но стоило ускорить руку, как пальцы другой не успевали приглушить струны. Сейчас он хотел показать всё сразу.

Из-под плектра выбежало лишнее звяканье.

— Медленнее, — сказал Ликон.

Гер начал снова.

— Ещё медленнее.

— Так никто не поёт.

— Пока ты и так не играешь.

Ликон показал движение. Гер повторил. Середина вышла ровнее, потом рука опять поторопилась.

Он сжал губы. После сегодняшнего дня хотелось хоть что-нибудь сделать без поправок.

— Отдохни, — сказал певец. — Завтра повторим, пока идём.

— Ты её отдаёшь?

— Отдаю. Футляр починил. Утром поможешь донести вещи до дороги. Или уже продал завтрашнее утро кому-то ещё?

— Нет.

— У Эвбула спроси, если работа будет раньше.

Гер провёл пальцем по стёртому месту на корпусе. Лира прижалась к руке иначе, чем когда он брал её на один урок. Теперь её можно было унести, играть, когда Ликона нет, самому следить за струной. Он уже хотел сказать, что будет беречь, но певец забрал плектр и положил возле его пальцев шнурок.

— Не теряй. У этой вещи мелкая часть пропадает раньше большой.

Гер рассмеялся. Ликон попросил перед уходом помочь уложить второй инструмент и велел не затягивать ремень поперёк струн. Они закончили при слабом свете. На обратном пути Гер держал свою лиру под одеждой, придерживая через ткань: непривычно было идти с тем, чего так долго ждал.

Дома Мелитта развернула мешочек с едой, купленной на его обычную плату. Гер поставил лиру рядом со стеной. Сестра посмотрела на инструмент, потом на брата.

— Уже можно?

— Можно.

Он сыграл немного. Не пытался поспеть за тем Ликоном, который выступал перед людьми. Медленно повторил то, что они делали у источника. На ошибке остановился и вернулся назад.

Мелитта послушала, потом подвинулась, чтобы ему было удобнее поставить ногу.

Утром Гер пришёл в мастерскую раньше обычного и договорился с Эвбулом, что вернётся после того, как проводит

певца. Тот дал ему несколько первых поручений; Гер выполнил их и только тогда побежал к источнику.

Ликон уже ждал. Дорожный футляр сидел на спине плотно, отремонтированная крышка не отходила. Геру достался мешок с одеждой и мелкими вещами. Шли до места, где певец условился присоединиться к попутчикам. Ликон несколько раз просил его напеть знакомый оборот и один раз похвалил за то, что Гер удержал конец без спешки.

Перед расставанием певец спросил, что Гер вчера возил к гавани. Тот ответил, что чашки.

— Часть продал.

— А остальное?

Гер рассказал коротко. Ликон не перебивал и не стал придумывать, как следовало торговать. Когда пришло время брать мешок, сказал:

— Хорошо, что у тебя появился свой инструмент. Теперь ошибку нельзя будет свалить на то, что я уехал.

Гер отдал мешок и пошёл обратно. Сначала напевал; потом вспомнил хозяйку в гавани, с которой ещё надо было договориться на другой раз.

Через неделю Гер опять вынес из мастерской посуду. На этот раз — одну чашку. Тринадцать непроданных всё ещё стояли на полке; Эвбул назвал свою цену, разрешил взять образец до вечера и отпустил его искать покупателей.

У Пирены Дорида, его ровесница, раскладывала гребни на куске ткани. Один всё время сползал к краю. Дорида под-

ложила под него плоский камешек и лишь потом взглянула на чашку.

— Пить нечего, — сказала она.

— Я продаю.

— Тогда стой с другой стороны. С этой у меня покупают.

Гер присел на корточки. Дорида знала женщин, готовивших еду на продажу; они брали у неё иглы, ремешки, иногда просили найти посуду. Пять чашек нужны были одной, по четыре — двум другим. Одной женщине не хотелось идти через полгорода за несколькими штуками. Другая искала носильщика, но за дорогу тот просил больше, чем стоила посуда.

— Эвбул и за все тринадцать не уступит, — сказал Гер.

— Тебе не уступит.

— Я уже спрашивал.

Дорида поправила камешек.

— А если принести всем сразу? — спросил Гер.

— Им всё равно, кто ещё берёт, — ответила Дорида. — Лишь бы им принесли.

Гер поставил чашку рядом с гребнями. За посуду каждый отдаст гончарову цену; за подвоз — небольшую плату. Здесь все дворы были недалеко от торга. Дойти с корзиной можно без телеги. Если собрать заказы, на двоих получится хороший заработок.

— Я отношу, ты находишь, кому, — сказал он.

— И тоже отношу. Пока ты будешь ходить, у меня отсюда

всё унесут вместе с тканью. Сначала соберёмся, потом отнесём.

Договорились делить плату за свою работу поровну. Гер сбегал к Эвбулу и принёс посуду в большой корзине. Дорида сложила гребни в мешочек, освобождая свою: в неё тоже войдут чашки. Уговорённые покупатели должны были зайти к ней сами. Гер оглядывал проходивших женщин так усердно, что Дорида велела ему отвернуться: с таким лицом можно продавать только пропавших родственников.

Первая покупательница взяла чашку обеими руками, проверила край и спросила, почему на ней нет зверей.

— Эвбул на этих не рисовал.

— А дешевле?

Гер назвал цену. Женщина прикинула что-то на пальцах и попросила принести пять. Дорида показала, где её двор, и объяснила, к какой двери стучать. Гер начал отсчитывать чашки.

К ним подошёл лавочник. Он видел, как посуду несли через торг, и теперь хотел забрать обе корзины. Свою цену назвал негромко, наклонившись к Геру, будто сообщал ему приятную тайну.

Гер разогнулся.

— Это ты мне цену говоришь или жалуешься?

— Что же ты с ними сидишь?

— Тебя дожидался. Теперь провожу.

Дорида кашлянула в кулак. Лавочник взял чашку, взвесил

на ладони, постучал ногтем.

— Мне ещё продать надо.

— Вот и я об этом.

Пока они разговаривали, подошла вторая женщина. Она торопилась, но увидела посуду в чужих руках и остановилась.

— Мои здесь?

— Здесь, — ответила Дорида. — Мы вам сейчас принесём.

Лавочник глянул на неё, потом снова на Гера. Назвал цену повыше. Гер убрал чашку в корзину: первые пять уже обещаны, а остальные ждали две настоящие покупательницы. Лавочник ушёл, велев звать его, когда надоест сидеть. Гер успел вежливо поблагодарить.

Разнесли всё вдвоём за две ходки; одну покупательницу проводили по дороге. В тесном проходе Дорида шла впереди и предупреждала, где выступает камень. Гер держал корзину обеими руками. У последней двери хозяйка пересчитала посуду, плеснула в одну чашку воды и покрутила её, проверяя стенки. Потом вынесла плату. Пустую корзину Гер перевернул над головой; Дорида прыснула.

— Даже черепка не осталось, — сказал он.

— Опусти. Она туда сейчас сор высыплет.

В мастерскую они вернулись с полной платой за все тринадцать чашек. Гончар получил своё серебро и корзину, пустая полка осталась пустой. Плату за доставку Гер с Доридой

разделили, как условились. Гер несколько раз сжал серебро в ладони. Оно было тёплое от пальцев.

— Ещё посуда будет? — спросила Дорида у Эвбула.

— Будет. Если подождёте, пока высохнет.

— Мы подождём, — ответил Гер.

У ворот Дорида забрала свою корзину.

— В следующий раз понесу ту, что полегче.

— Мы их продали.

— Я про корзины. Когда опять придумаешь.

Она перебросила корзину на другую руку и пошла к источнику. Гер догнал её, чтобы досказать, как лавочник собирался заплатить за посуду улыбкой. В его изложении улыбка стоила дороже всех тринадцати чашек.

Глава 5 Серебро и чужой страх

Страх покупали охотно. Особенно хорошо шёл чужой.

Ктесий не любил, когда носильщики ставили корзины на землю. Если корзина стояла, он видел в этом отдых; если падала, взыскивал за порчу. Люди научились опускать её так, чтобы она ещё как будто двигалась, пока он проходил мимо.

Гер наблюдал за ними из тени склада. За два года плечи у него раздались, голос перестал срываться на верхних звуках. В мастерской Эвбула ему доверяли договариваться о небольших заказах. Сам Гер считал, что способен договориться о любых, но гончар оставлял ему простор для этого убеждения только в пределах собственной платы.

Сегодня Гер приехал в Лехей с посудой и уже закончил дела. Он ждал Дориду. Они не раз ещё брались вместе за небольшие заказы; теперь она возила к гавани и собственный товар. У источника по-прежнему торговала гребнями, ремешками и всякой мелочью, которую человек сначала терял, а потом удивлялся, зачем она вообще нужна. После смерти матери Дорида научилась выбирать место, где удивление быстро переходило в покупку.

Море было видно в просвете между складами. Над кровлей медленно качалась мачта; когда судно поворачивало, её верхушка исчезала и появлялась снова. Снизу тянуло смолой, мокрой верёвкой и рыбой. По дороге в город шли гру-

жёные ослы. Возле Ктесиева навеса они застревали между встречными людьми, и погонщикам приходилось кричать прямо в чужие затылки.

Внутри склада мешки лежали на сухом деревянном настиле. Снаружи, где ходили носильщики, земля была растоптана до липкой каши; её прикрыли щепками, и те разъезжались под пятками. Человек с полной корзиной ждал у двери, пока Ктесий доскажет что-то приказчику. Край корзины медленно опускался. Гер убрал ноги с прохода. У себя в мастерской он велел бы сперва разгрузить человека, а уж потом разговаривать.

Дорида появилась с корзиной на бедре, оттолкнула ногой пустой ящик и села.

— Твой Ктесий опять плохо спит.

— Он не мой. Я бы давно сменял.

— Служанка купила у меня второй ночник. Первый, говорит, коптит. Свет ему нужен до утра. Третий день снится одно: кто-то стоит за дверью, три раза стучит, а под порогом течёт вода. Открывает — никого.

— Может, ему в самом деле нужно починить крышу.

— Я предложила. Она сказала: не твоего ума дело. Потом купила ремешок.

У склада раздались голоса. Дамас, широкоплечий носильщик с перевязанным большим пальцем, держал перед Ктесием дощечку. Гер знал его по дороге: иногда они делили место на одной повозке.

— Я принял четырнадцать мешков, — говорил Дамас. — Четырнадцать и отнёс. Спросите у того, кто пересыпал зерно.

Ктесий вырвал дощечку из его руки.

— Мне не нужна толпа советчиков. Недостачу вычту.

— Вы уже вычли за прошлую.

Тот приблизился. Дамас не отступил, и Гер невольно приподнялся на ящике. Но Ктесий только велел носильщику явиться вечером, когда остальные разойдутся, и ушёл в склад.

Дорида подвинула корзину. Под ней была полоска тени, которой она решила не делиться с ящерицей.

— У Дамаса жена вчера просила зерна до следующей платы. Я дала немного.

— Он её получит?

— Спроси Ктесия. Только подойди сзади: спереди у него всегда есть причина отказать.

Гер посмотрел на дверь склада. Ктесий давал людям работу у нескольких причалов, а потом забирал часть платы за опоздание, за мокрый мешок, за чужую ошибку. Недавно троих ребят из их двора прогнали от разгрузки: младшие не справились с тяжестью. Гер нашёл для них другие места — у кожевника, у мастера, плетущего корзины. Там требовались целые сандалии, чтобы не резать ступни об обрезки и щепу. Одному мальчишке понадобились ещё шило и маленький нож. На всё сразу денег не хватало.

— Служанка ещё придёт? — спросил он.

Дорида повернула голову.

— Что ты задумал?

Гер рассказал. Она слушала до конца, потом сказала, сколько возьмёт за свою долю работы. Он предложил меньше. Дорида молча начала укладывать ремешки.

— Ладно, — сказал Гер. — Но только если получится.

— Если не получится, ты мне ничего не должен. Если получится, не начинай объяснять, сколько хорошего ты собираешься сделать. Я тоже умею тратить деньги.

Они вернулись в город одной повозкой. Дорида всю дорогу держала корзину на коленях; Гер придерживал посуду, которую хозяин лавки отказался брать из-за цвета. На первом подъёме они поспорили о цене. На втором уже обсуждали, где встретятся утром.

Вечером Гер нашёл Филона и Леонта у дворовой стены. Филон чинил подошву. Леонт сидел рядом, удерживая её между ладонями: Филону не хватало третьей руки, а просить вторую у прохожих было неловко.

Леонт был старше Гера на два года. Его отец когда-то работал с камнем; после того как обвал раздробил ему ногу, Леонт ходил вместо него. Плату ему старались давать мальчишескую, хотя камни к этому времени ничего мальчишеского в нём не признавали. Он был силён, но любил рассказывать об этом раньше, чем требовалось что-нибудь поднять.

— Опять надо говорить? — спросил Филон, выслушав Ге-

ра.

— Всего несколько слов.

— В прошлый раз несколько слов были «у меня отсохнет рука». Потом я весь день прислушивался.

— Она отсохла?

— Нет. Но на такой случай я хотел знать первым.

Леонт потянул к себе сандалию, рассматривая шов.

— Можно проще. Подождём Ктесия в проходе. Скажем, что он должен ребятам за работу.

— Он позовёт своих людей.

— Одного его человека можно сначала положить.

Филон опустил иглу. Гер видел, что Леонт говорил всерьёз: уже прикидывал, кто где встанет.

— А потом они положат нас. Я предпочитаю покупать обувь на ноги, которые ещё могу сосчитать.

Филон усмехнулся. Леонт вернул ему подошву.

— Я не говорил, чтобы ты стоял впереди.

Гер хотел ответить, что дело вовсе не в этом, но Филон спросил о своей роли. Разговор ушёл дальше. Леонт согласился смотреть, не появится ли человек Ктесия, который знал Гера по прежним поставкам. За это ему причиталась такая же доля, как Филону.

— Отец сможет купить новую палку, — сказал он, словно объяснял, почему согласился. — Старая внизу треснула. Он верёвкой обмотал, только всё равно расходится.

— У кожевника можно взять ремень.

— Ему нужна палка.

Гер хотел предложить знакомого мастера, но Леонт уже встал. Он сам знал, где найти нужную вещь. Гер хлопнул его по плечу и побежал за куском рога.

Обрезок дал мастер, делавший гребни. Гер отполировал его, просверлил отверстие и продел шнурок. От рога пахло тёплой пылью. Получилась вещица, за которую без хорошего рассказа не дали бы даже хлебной корки.

Рассказ он слышал от Ликона: у сновидений есть двое ворот, роговые и из слоновой кости. Через одни приходят сны, которые сбываются, через другие — обманные. Певец любил эту историю, особенно когда ему снился щедрый хозяин. Гер перевернул обрезок, проверил гладкий край. В его руках ворота получились настолько малы, что через них не прошёл бы и сон голодной мыши.

Утром он отпросился у Эвбула до полудня, заранее закончив свою часть работы. Гончар спросил, что за дело у пристани. Гер ответил, что покупает обувь.

— Всю дорогу туда и обратно?

— Сначала надо достать деньги.

Эвбул поглядел на него, но Гер уже взял мешок.

Дорида приехала раньше и успела поговорить со служанкой. Та пришла менять ночник: виновата была по-прежнему лампа. Между жалобами Дорида рассказала о носильщике, которому снился стук за дверью. Он встретил какого-то молодого человека и теперь спит спокойно. Служанка сначала

сказала, что таких негодяев следует гнать. Потом спросила, где сидит носильщик.

Филон ждал у перевёрнутой лодки, подальше от воды. В пределах его роли сон уже закончился, а море имело привычку начинаться снова при каждом всплеске.

Ктесий пришёл сам.

Гер увидел его из-за связок каната. Леонт, стоявший у угла склада, едва заметно качнул головой: знакомого надсмотрщика рядом не было.

Ктесий спросил Филона о сне. Тот ответил, что за дверью стучали трижды. Когда он открывал, на земле оставался мокрый след.

— Кто рассказал тебе мой сон? — резко спросил Ктесий.

Филон растерялся по-настоящему. Гер подошёл, пока он не успел взглянуть в его сторону.

— Вы тоже видели воду?

Ктесий медленно повернулся. На нём был чистый плащ, перехваченный дорогой застёжкой. Под глазами залегли тёмные складки.

— А ты кто?

— Человек, которому он теперь даёт поспать. До этого приходил спрашивать по утрам. Я же ему сразу сказал: повесь и забудь.

Гер достал рог. Ктесий не протянул руки.

— Такие вещи продают у святилищ. Я уже купил.

— Я там ничего не покупаю.

— Почему?

— У меня нет денег. Хотите, оставлю вас разговаривать?

Он спрятал рог. Ктесий ухватил его за запястье.

— Покажи.

Рука у него была сухая и горячая. Гер заставил себя не вырваться. Он стал объяснять про двое ворот: ненужному сну можно дать другой выход. Повесить над порогом, шнуром внутрь. Не произносить ничьих имён.

Последнее он придумал на месте. Ктесий всё время поглядывал на Филона, словно тот мог знать ещё что-нибудь.

— Чьих имён?

— Тех, о ком вы думаете ночью.

За спиной Ктесия скрипнула верёвка. Человек с корзиной обходил их, не поднимая глаз. Гер назвал цену. Для него она была велика; для Ктесия — меньше платы, которую можно было удержать с нескольких носильщиков.

Ктесий выругался.

— За обрезок?

— За обрезок можете дать меньше. Только я его продам другому.

Филон сидел, уставившись на свои колени. По его лицу Гер понял, что пора заканчивать. Он замолчал и выждал. Ктесий потёр веки двумя пальцами, потом вынул серебро.

Они взвесили его у торговца, которого выбрал сам покупатель. Пока тот вынимал гири, Ктесий ещё раз спросил Филона, сколько ночей он спал спокойно. Тот ответил: две. Гер

почувствовал, как вспотела спина. Они не говорили об этом заранее; теперь ему пришлось подтвердить, что рог отдан два дня назад. Филон поднял глаза, и Гер отвёл взгляд к весам. Торговец добавил на чашу маленькую гирю. Ктесий стоял возле него, не позволяя Геру придвинуться.

Гер отдал рог. На вопрос, есть ли ещё такие, ответил, что с собой больше нет. Это было правдой.

Когда Ктесий ушёл, Филон долго разминал руки.

— Больше не буду, — сказал он.

— Почему?

— У него было такое лицо, будто он уже кого-то зовёт.

Гер спрятал серебро глубже под одежду. Сам он чувствовал прежде всего лёгкость: хватало и на обувь, и на инструменты, и на обещанные доли. На другой стороне прохода Леонт отвёл плечом гружёный мешок, пропуская Дориду. Она подошла, посмотрела на Гера и сразу спросила, где они будут делить.

К полудню он вернулся в мастерскую. До вечера носил глину, мыл дощечки, помогал укладывать готовую посуду. Серебро не исчезало из мешочка, когда он наклонялся. Гер несколько раз проверял это рукой.

После работы они ходили за покупками. Мелитта взяла с собой черепок, на котором записала уговорённые цены. За два года она научилась считать небольшие суммы и теперь не любила, когда Гер отвечал за неё. У кожевника она сама напомнила о разошедшемся шве на одной сандалии. Тот по-

чинил его прежде, чем получил плату.

Гер рассчитался с Доридой, Филоном и Леонтом. Остатка хватило на нужные вещи, немного сушёной рыбы и вино, которое предстояло сильно разбавить.

Дорида на ужин не осталась: собиралась купить гребни у уезжавшего торговца, пока тот ещё не нашёл другого покупателя. Когда она подняла корзину, Гер попросил подождать.

— Я тебе кое-что сыграю.

Она посмотрела на солнце над стеной.

— Короткое?

— Пока только короткое получилось.

Гер сбегал за лирой. Дорида поставила корзину обратно, уселась на пустой ящик. На верёвке у её колена болталась одинокая костяная бусина; остальные она сегодня продала. Пока Гер расправлял ткань, девушка ловила бусину двумя пальцами и отпускала.

Он сыграл начало своего нового напева. Сначала смотрел на левую руку, потом поднял глаза. Дорида перестала трогать верёвку. Сандалия тихо отбивала шаг по утоптанной земле.

На последнем звуке Гер приглушил струны.

— Дальше ещё нет.

— А в середине?

— Что в середине?

— Я пропустила. Повтори.

— Ты же спешила.

— Середину.

Гер сыграл с начала. Дорида попробовала подхватить голосом, сбилась и рассердилась на него, будто он нарочно повёл напев не туда. Пришлось сыграть ещё раз. Теперь она дошла до конца, но последнюю ноту взяла так решительно, что Гер не выдержал. Дорида тоже засмеялась.

Потом она подняла корзину. Гер остался у ящика. Из-за ворот донеслись несколько знакомых звуков; на трудном месте девушка замолчала. Он посидел ещё немного, держа ладонь на струнах. Ткань для лиры лежала у него на коленях.

Двор к вечеру наполнился людьми. Тесилла усадила одного из мальчишек на пороге и подрезала слишком длинный ремень. Второй раз за несколько дней ей принесли работу, за которую не надо было выпрашивать плату. Мелитта отнесла шило соседке: мальчишка одолжил его до утра, а та обещала учить девочку из двора сшивать кожу. Нож Гер положил повыше: его будущий владелец уже проверял остроту на всём, что попадалось под руку.

Леонт затянул ремешок сандалии на ноге младшего. Тот попытался сразу вскочить, но Леонт удержал его за плечо и проверил, не трёт ли под ремешком. Потом мальчишка долго ходил по двору, выбирая самые острые камешки. Леонт сидел на земле, наблюдал за ним и улыбался. Гер поставил перед другом миску. Ему нравился этот вечер: еды было достаточно, никто пока не просил взаймы, а у стены ждал инструмент, который он уже умел заставить звучать.

Ликон пришёл, когда рыбу начали делить. Он опять оста-

новился в Коринфе на несколько дней. Сначала оглядел еду, потом спросил, кто приглашает. Гер подвёл его к своему месту.

— Ты хорошо помнишь уроки, — сказал певец, выбирая кусок.

Лира лежала у стены, обёрнутая тканью. Гер развернул её и проверил строй. У стёртого края потемнело ещё одно место, уже от его предплечья. Он подтянул колок и провёл плектром по струнам. Шум двора чуть осел.

Первый напев был его собственным. Гер складывал его, пока ходил с заказами: короткий оборот, потом шаг пошире, потом возвращение. В нём слышалась дорога, хотя Гер никогда не пытался нарочно изобразить ни повозку, ни пыль. Филон начал подпевать без слов. Его грубый голос лёг ниже, и Гер изменил конец, чтобы другу было удобнее.

Ликон доел рыбу и перестал смотреть в миску.

Гер видел это боковым зрением. Рука стала увереннее. Он сыграл ещё раз, добавил слова про кожевника, который измеряет ногу только после того, как узнает размер кошелька. Потом спел о Филоне: тот собирался в море, но пока предпочитал, чтобы море приходило к нему с рассказами. Филон громче всех засмеялся и стукнул его по колену.

Леонт стоял возле стены. Рядом два младших мальчишки мерились силой: один хотел, чтобы Леонт рассудил, другой уже тянул его за руку.

Гер поймал его взгляд. Вспомнил вчерашнее предложение

и на ходу пристроил к напеву две строчки:

— Леонт — гроза ворот,

пока никто не отопрёт.

Все засмеялись. Гер повторил конец, потому что он хорошо лёг на струны. Один мальчишка подхватил; второй закричал, что Леонт теперь должен бояться дверей.

Леонт улыбнулся одними губами. Гер успел подумать, что друг собирается ответить. Вместо этого тот отпустил руку ребёнка, которого только что держал, и отошёл.

— Эй, гроза! — позвал мальчишка.

Гер приглушил струны. В наступившем промежутке кто-то прыснул ещё раз. Леонт наклонился за своим мешком.

— Подожди.

— Чего?

Гер встал. Теперь, без лиры перед грудью, он не знал, куда деть руки.

— Я сказал это зря.

Леонт глянул на певца, на Филона, на детей у стены. Мелитта уже велела одному из них отнести воду Тесилле.

— Песню всё равно запомнили.

— Я больше её не спою.

— Ты — не споёшь.

Гер не нашёл ответа. Он мог придумать другое окончание, выставить смешным себя; уже слышал, как это выйдет. Но Леонт ждал вовсе не новых слов для напева.

— Прости, — сказал Гер.

Леонт помолчал, потом кивнул. Гер отступил, давая ему пройти, и почувствовал облегчение раньше, чем тот вышел из двора.

За ужином ещё разговаривали. Ликон рассказал о хозяине, который пытался расплатиться за песню собственной песней; Филон вспомнил лицо Ктесия. Гер смеялся вместе со всеми, только руку держал на колене. Лиру он завернул до конца и положил у стены.

Когда соседи разошлись, Ликон остался помогать с мисками. Он предпочитал мыть те, из которых сам ел: говорил, что легче расстаться с вещью, если знаешь, где она чиста.

— Твой новый напев хорош, — сказал он.

Гер поднял глаза.

— Кроме конца?

— Конец ты уже слышал.

Они вынесли воду за ворота. Из города доносился лай; дальше, за крышами, ещё светилось небо. Гер присел на низкий камень. Ликон поставил пустую миску и потёр поясницу.

— А тебя кто учил? — спросил Гер.

За четыре года он задавал этот вопрос не раз. Певец отвечал именами людей, у которых слышал песни, или спрашивал, чему именно Гер желает научиться. Сейчас Гер ожидал того же.

— Аполлон.

Он поглядел на Ликона.

— Я спрашиваю всерьёз.

— Я отвечаю.

Певец сел рядом. На рукаве у него осталось жирное пятно. Гер смотрел на него и старался представить этот рукав возле бога.

— Не жрец?

— Нет.

— Сам?

— Он никогда не любил, когда кто-нибудь учит вместо него.

Гер вспомнил людей, уверявших, что им известна божественная воля. Обычно после этого требовались деньги. Ликон ничего не просил. Он сидел, вытянув ногу, и рассматривал натёртость на пятке.

— Почему ты ушёл?

— Однажды меня позвали петь победителям. Я уже пел им прежде. Хорошие столы, хорошие подарки. Я знал, когда следует назвать отца хозяина, когда деда. Это всегда приносило пользу.

Ликон перевёл взгляд на противоположную стену.

— После той победы я написал песню. В середине были имена погибших. Одного звали Мнесий. Он помог мне перейти реку, когда я ещё боялся за лиру больше, чем за себя. Второй отдал мне свой хлеб. Других я знал меньше. Их имена мне сказали люди, которые вернулись.

— Победителям не понравилось?

— Аполлону. Он выслушал и велел убрать эту часть. Ска-

зал, что я задерживаю песню. Радость уже поднялась, а я заставляю её снова ложиться в землю.

Гер пошевелил пальцами, словно между ними ещё был плектр.

— Он сам так сказал?

— Примерно. За столько лет я мог стать красноречивее.

Ликон наклонился, поправил ремень сандалии.

— Я умел исправлять то, что ему не нравилось. Переставлял слова. Сокращал. Потом я понял, что добиваюсь только одного: чтобы Мнесий остался в песне, а бог его не заметил. Хорошее занятие для человека, которого он учил слышать каждую струну.

— Ты отказался?

— Да. Не сразу. Сначала попросил спеть как есть. Потом спорил. Потом начал думать, что ничего страшного не случится, если уберу несколько имён. Мнесий всё равно мёртв. Ему ведь не станет хуже.

Гер опустил голову. С улицы донёсся скрип колеса, потом тихое ругательство. Ликон ждал, пока повозка проедет.

— Когда он взял меня, я попросил обещать, что смогу уйти. Молодой был. Воображал, будто меня зовут ещё в десяток мест. Он обещал. Когда я напомнил, долго смотрел на меня. Потом сказал, чтобы шёл.

— И отпустил?

— Он дал слово. В тот день предпочёл его сдержать.

— А потом?

— Потом я дорого заплатил за комнату, где меня обокрали. У бога этому не учили.

Гер невольно усмехнулся. Ликон поднял миску.

— Он считает, что я растрачиваю всё, чему научился. Может быть, иногда так и есть. Сегодня мне, например, хотелось, чтобы ты подольше играл. Я слышал хорошую вещь. Леонта увидел позднее тебя.

Гер посмотрел на его руки. Широкий ноготь на большом пальце был надломлен; вокруг второго темнела старая ранка. Эти руки столько раз поправляли его пальцы, удерживали край футляра, отдавали ему инструмент.

— Ты всё ещё играешь его песни?

— Некоторые. Ту, с именами, тоже играю.

— Покажешь?

— Покажу.

Ликон пошёл за своей лирой. Гер остался на камне. Ему вдруг захотелось, чтобы учитель ответил иначе, назвал какого-нибудь старого певца с обыкновенной судьбой. Но из двора уже донёсся звук: Ликон проверял струну, и Гер узнал движение руки на слух.

Утром Леонт не пришёл к источнику. Филон сказал, что видел его возле людей Ферона. Тот собирал молодых крепких парней для охраны грузов; давал еду, оружие и обещал долю. Гер знал его в лицо: широкая шея, короткая борода, манера оставлять человека стоять, пока сам сидит. При нём охотно говорили об Аресе, особенно если рядом были те, кто

ещё не принёс богу ничего.

Гер нашёл Леонта в проходе за лавками. На нём был новый ремень с ножнами. Он придерживал их, непривычные, ладонью.

— Надолго туда? — спросил Гер.

— Посмотрю.

— У Ферона платят не за песни.

Леонт глянул ему в лицо. Гер услышал собственные слова и замолчал.

— Я знаю, — сказал Леонт.

Из-за лавки его позвали. Он повернулся и ушёл. Гер не стал хватать его за руку. Остался ждать, хотя больше никто не вышел.

Дорида нашла его чуть позже. Она несла пустую корзину и шла быстро.

— Дамас не вернулся.

Гер сначала не понял.

— Вчера?

— Позавчера. Его жена ходила к складу. Ктесий сказал, что он убежал, потому что виноват в пропаже зерна.

— А его видели?

— Она спрашивала. Ей велели уйти. Сегодня пришла ко мне: думает, может, он был на повозке в город.

Гер вспомнил дощечку в руке Дамаса. Четырнадцать мешков. Перевязанный палец. Ктесий велел ему прийти, когда разойдутся остальные, а на следующее утро покупал у Гера

рог и спрашивал о чужих снах.

Он развязал мешочек. В нём оставались два маленьких кусочка серебра. Остальное стало сандалиями, ножом, шилом, едой; доли получили друзья. Гер подержал мешочек раскрытым, потом затянул шнур.

— Пойдём к его жене, — сказал он.

Дорида кивнула в сторону дороги.

— Я там уже была. Ион у них. Занёс зерна и спрашивает, с кем Дамас работал в последний день.

Гер взял у неё корзину. До мастерской следовало сначала предупредить Эвбула; он свернул к его двору, а Дорида осталась ждать у угла. Через несколько минут они пошли вместе. У кожевника на пороге сидел вчерашний мальчишка в новых сандалиях и придерживал коленями кусок кожи. Увидев Гера, он поднял руку, в которой было шило.

Гер ответил ему и пошёл дальше.

Глава 6 Человек у погребального костра

На похоронах все говорили о вечном. Дрова продавали за серебро.

Ион пересыпал ячмень из большого мешка в маленький и говорил, что работа недолгая.

Гер посмотрел на зерно. За последний год он научился узнавать такую работу: прежде чем назвать её недолгой, заказчик обычно успевал отвести глаза.

— Забрать вещи у корабельного хозяина. Отнести матери. Всё.

— В Лехее?

— Да.

— А мать где?

— Сейчас у тела. За городом, возле западной дороги. Его привезли утром. Люди уже собирают дрова.

Ион завязал мешок и отодвинул к стене. В маленьком святилище Посейдона пахло маслом и влажной верёвкой. Квадрат солнечного света медленно уходил с пола. Геру предстояло ещё передать покупателю чашки Эвбула; он мог сделать это по дороге к гавани, если не задержится.

— Много вещей?

— Свёрток. И дощечка с именем. Хозяин не прислал их с

телом, потому что его не было дома. Теперь вернулся.

Гер назвал плату. Ион поднял голову, обдумал и согласился. Серебро положил на край низкой скамьи: сначала половину, остальное после возвращения.

— Мать не проси доплачивать, — сказал он. — У неё сейчас и так будут просить.

— Я с тобой договорился.

— Вот и хорошо.

Они уже знали, как легко к короткому поручению прилипают чужие просьбы. После исчезновения Дамаса прошло две зимы. Гер часто приходил сюда. Они с Доридой искали носильщика у пристаней, расспрашивали возчиков, ходили к людям, назвавшимся его знакомыми. Один потребовал серебро за сведения, потом указал на человека, которого Гер сам видел накануне. Дамас не нашёлся. Его жена продолжала ждать, а Ион время от времени относил ей зерно.

Гер перестал обещать, что узнает всё к следующему утру. Теперь говорил: если найду, приду.

В гавани он сдал чашки, получил деньги и сразу отделил плату Эвбула. Потом пошёл к дому корабельного хозяина. У дверей разбирали канаты: два человека тянули один конец, третий ругался на узел. Гер хотел показать, куда повернуть петлю, но вспомнил о сроке и прошёл мимо.

Хозяин сидел над дощечками. На его столе лежали две чужие застёжки, нож с обломанным остриём и ещё несколько вещей, которым уже не предстояло попасть в прежние руки.

— Лисий, — сказал Гер. — Ион прислал за тем, что осталось.

Хозяин кивнул. Вынул из-под стола свёрток и положил на него узкую дощечку.

— Это его. Пусть мать не думает, что мы забрали. Он сам оставил здесь перед выходом: мешало на судне.

— Как умер?

Тот провёл ладонью по лицу.

— Налетел порыв. Судно бросило, он оказался за бортом. Люди нашли его у берега. Всё.

На слове «всё» хозяин снова взял свою запись. Гер развернул край ткани: нож, костяной гребень с выломанными зубьями, ремень, маленькая пустая чашка. У чашки было косое дно. Эвбул такую не продал бы; Лисий, видно, пользовался.

Гер свернул вещи. Надпись он прочёл не сразу. За зиму научился разбирать короткие имена и простые отметки: Эвбул показывал на заказах, Ликон — на том, что попадалось в дороге. Почерк у корабельного хозяина был мелкий, концы букв почти сходились. Гер решил прочитать лучше на свету и убрал дощечку под ремень свёртка.

Ликон заставлял его самому проверять то, что он собирался назвать вслух. Однажды Гер принёс ему начало песни, которое запомнил на слух, и перепутал имя. Певец переспросил, кто же совершил подвиг: человек или слово, которое удобнее петь. Пришлось учиться ещё и буквам. В тот

день Гер сердился, что хороший напев опять оброс работой. Теперь он отодвинул воспоминание: у хозяина было слишком много дел, чтобы просить его о каждой черте на дереве.

У повозок не нашлось свободного места. На одной уже сидел человек с больной ногой, другую задерживали за недостачу груза. Гер пошёл пешком. Он прикинул, сколько времени сэкономил бы за серебро, и сколько серебра останется, если станет экономить таким образом до вечера.

К месту погребения он пришёл, когда солнце перевалило за середину неба.

Тело лежало на низких носилках под тканью. Рядом две женщины перебирали ветви; мужчина подносил поленья. Они складывали их так, чтобы между рядами оставался воздух. Братьев или друзей Лисия Гер не знал. Только один из тех, кто стоял возле носилок, был ему знаком по гавани.

Мать сидела на земле. Поднялась, увидев свёрток, но ноги не сразу её удержали. Гер поддержал её под локоть.

— От хозяина. Ион велел передать.

Она взяла вещи обеими руками и присела снова. Развязала ремень, достала чашку. Большим пальцем провела по краю, словно проверяла, можно ли из неё пить.

— Он эту унес, — сказала она. — Я другую давала. Целую.

Гер посмотрел на кривое дно. Чашка, должно быть, стояла у них давно. Мать поставила её между ног, вынула нож и больше ничего не сказала.

Он протянул дощечку.

— С именем.

Женщина поглядела на надпись. Потом вернула ему.

— Не его.

Гер повернул дощечку к свету. Теперь разобрал: Сосий. Он прочёл ещё раз, надеясь, что ошибся в букве.

— У тебя сын Лисий?

Она подняла глаза. Гер почувствовал, как глупо прозвучал вопрос, и быстро сказал:

— Я за ним ходил. Мне дали не ту.

Женщина потянулась к покрывалу. Откинула угол у ступней и показала старый шрам на левой ноге покойного.

— На камнях порезал. Мы ещё жили ближе к воде. Тогда он маленький был.

Гер кивнул. Она опустила ткань, но продолжала придерживать край.

Человек из гавани подошёл к ним. Взял дощечку, подержал и сказал, что имя можно переписать. Место соскоблить ножом, заново вырезать. Гер хотел согласиться. Он уже сходил туда и обратно, ноги начинали ныть. Ион обещал серебро за одно поручение. Второй путь на этой плате держался плохо.

— Ты умеешь? — спросила мать.

Гер взял дощечку обратно. Буквы Сосия стояли ровно; под ними была короткая отметка, которую он пока не понимал.

— Не знаю, кому она нужна, — ответил он. — Там ещё вещи другого человека. Если сотру, его могут не найти.

— Дрова готовы, — сказал мужчина из гавани. — Ждать до ночи тяжело.

Женщина поглядела на поленья, потом на свёрток. У неё дрогнула нижняя губа.

— Я ненадолго, — сказал Гер и тут же пожалел, что назвал время.

Мать полезла за пазуху. Он увидел завёрнутый уголок ткани.

— Не надо. Ион заплатил.

Спрятал чужую дощечку и пошёл к гавани. За спиной женщина тихо произнесла имя сына, проверяя, не забудет ли и он.

На этот раз Гер дожидался повозки меньше: мужчина, вёзший пустые корзины, взял его за обещание помочь поднять их у ворот. К гавани он доехал стоя. Одна плетёная ручка всё время упиралась ему в бедро.

У дома хозяина канаты уже убрали. На столе остались те же застёжки. Гер положил перед ним дощечку.

— Сосий.

Тот прочёл и нахмурился.

— Перепутал.

— Где Лисий?

— Здесь. Я две готовил. Сосия родня тоже придёт.

Он начал искать. Гер стоял, опершись ладонями о стол. В

ногах была тяжесть, которая прежде появлялась только после целого дня в мастерской. Хотелось, чтобы хозяин поспешил, и ещё — чтобы сам сказал о втором пути. Но тот только перекладывал дерево.

— Почему сам не прочёл? — спросил он наконец.

— Плохо умею.

— Значит, надо было попросить.

Гер открыл рот и закрыл. Можно было рассказать, как стояла мать у носилок. Можно было спросить, кто именно готовил дощечки и получал за это плату. Он выбрал короткое:

— Прочти сейчас.

Хозяин прочёл имя Лисия и нижнюю отметку. Гер заставил его показать каждую букву. Отметка означала, из какого свёртка достали вещи; Гер повторил её вслух, чтобы не забыть. Потом хозяин написал имя крупнее на свободном краю и отдал дощечку.

Доплаты он не предложил.

На обратном пути Гер взялся подталкивать чужую повозку на подъёме. Возчик обещал довезти его до поворота к месту погребения. Пока колёса поднимались, Гер мысленно назначал цену за каждую остановку. К концу подъёма получилось, что весь день следовало продать заранее человеку, который в нём не участвовал.

Он уселся на край повозки и рассмеялся. Возчик обернулся, желая услышать шутку. Гер махнул рукой.

Мать Лисия ждала. Поленья уже лежали до конца; возле

них стоял сосуд с маслом. Человек из гавани увидел Гера первым и вышел ему навстречу.

— Думали, не успеешь.

Гер передал дощечку женщине. Прочёл имя и объяснил отметку. Она слушала, придерживая края свёртка. Потом попросила произнести ещё раз.

Он произнёс.

Когда тело подняли, она попыталась встать сама. Гер снова дал ей руку. Пока помогал, вспомнил, что за ожидание тоже можно было бы взять деньги. Мысль явилась быстро и показалась такой же обычной, как проверка узла на мешочке. Он стиснул зубы и держал женщину, пока та не смогла выпрямиться.

Костёр разгорелся медленно. Сначала дым пошёл низко; мужчина присел и поправил сухие ветви. Гер стоял в стороне. Вещи остались у матери: нож и гребень она завернула, чашку поставила рядом. Изредка поднимала руку к лицу, но не вытирала слёз.

— Ещё серебро получил? — спросил кто-то за плечом.

Гер повернулся. Рядом стоял высокий человек в тёмном плаще. Возраст определить не удавалось: возле глаз лежали складки, волосы были густые, в руках не было ни дрожи, ни усталости. Гер не помнил, чтобы он приходил по дороге.

— От кого?

— От матери. За возвращение.

— Нет.

— Она предлагала.

— Ион нанял. С ним и рассчитаюсь.

Незнакомец посмотрел на женщину.

— Многие считают, что первая плата бывает за покойного, а вторая — за то, чтобы живые перестали плакать. Вторая обычно выше.

Гер оглядел его плащ. Хорошая ткань, без украшений. На застёжке ничего не было, по чему можно узнать дом или ремесло.

— Ты с судна?

— Нет.

— Знал Лисия?

— Знаю.

Пламя обхватило край ткани. Гер повернулся к костру и увидел, что мать смотрит в ту же сторону. Один из мужчин подал ей воду.

— Мне пора, — сказал Гер.

— Он успел схватиться за верёвку. Её с другого конца держал мальчик. Когда судно повело, оба оказались бы в воде. Лисий выпустил.

Гер остановился.

— Хозяин говорил, его бросило за борт.

— Бросило. Потом он ухватился. Хорошо держался. Дважды пытался поставить ногу на борт. Не смог.

Незнакомец говорил ровно. Гер ждал, что он посмотрит на мать и смягчит голос, но тот продолжал смотреть на огонь.

— Почему ей не скажешь?

— Что именно?

— Что он мальчика спас.

— Мальчик выжил. Она всё равно лишилась сына.

Гер почувствовал злость. Небольшую, знакомую: так отвечали люди, которым незачем было стараться.

— Это не тебе решать, что ей нужно услышать.

Незнакомец повернул голову. Гер вдруг заметил, что стоял совсем близко к нему, гораздо ближе, чем собирался. Отступил на полшага, но слова забирать не стал.

— Тогда спроси у вернувшихся, — сказал человек. — Тот, кто держал другой конец, ещё не придумал, как рассказать.

Порыв ветра вынес из костра горящий обломок. Он покатился по земле, оставляя дымный след. Незнакомец наступил на него, потом наклонился и поднял голой рукой.

Гер уже видел, как обжигаются люди. Руку отдёргивают раньше, чем понимают, где боль. Этот человек держал раскалённое дерево спокойно. Уголёк светился между пальцами. От плаща пахло только дорогой и сухой тканью.

Он положил обломок обратно в огонь.

— Кто ты? — спросил Гер.

— Агесандр.

Гер посмотрел на его ладонь. На ней не осталось следа. Потом на людей у костра. Женщина пила воду, мужчина собирал ветви. Никто не обернулся.

Он вспомнил Сострата, голубя, спрятанный корм. Вспомнил чашу над храмовыми ступенями, затем — как Ликон говорил об учителе. Сейчас ему хотелось найти верёвку, масло на коже, что-нибудь, что можно проверить, пока этот человек отвлёкся.

— Ищешь, чем я смазал руки? — спросил Агесандр.

Гер разжал кулак. Дощечки у него уже не было; он сжимал только ремень мешка.

— Ты пришёл за ним?

— За ним приходят без меня.

— Тогда зачем?

— Сегодня я остановился здесь. Ты принёс чужое имя. Потом вернулся за нужным. Я ждал, вернёшься ли.

Гер услышал в последней фразе тот же оттенок, с которым Эвбул когда-то соглашался взять его на работу: посмотрим. От этого стало хуже. С гончаром он хотя бы мог уйти за ворота.

— Я его матери обещал.

— Я слышал.

Агесандр присел на камень, освобождая место у тропы. Заметил под ногой ветку, отломил сухой конец и подбросил к остальным. Гер стоял. Не мог заставить себя сесть рядом, хотя ноги просили об этом с самого подъёма.

— Ион даст оставшуюся плату, — сказал Агесандр. — Я к ней не отношусь.

— Зачем ты спрашивал про серебро?

— Мне нужен человек для дела. Я хотел знать, сколько раз ты продаёшь одно обещание.

Гер отвёл глаза. В мастерской эту часть разговора следовало бы закончить раньше. Здесь он только теперь понял, что ему предлагают работу.

— Какое дело?

— Найти погребальную дощечку. На ней пять имён. Её делали для тех, у кого некому было взять останки. Внизу срезан угол. Из середины выскоблили две строки.

— Кто выскоблил?

— Сначала найди.

— Где была?

Агесандр назвал место у западной дороги, ниже старого глинистого склона. Гер знал поворот: зимой там застревали повозки. Заказчик описал человека, который оставлял дощечку вместе с погребальной посудой. С тех пор вещи передавали из рук в руки; нынешнего владельца он не назвал.

Гер понемногу перестал смотреть на его пальцы.

— Мне нужна помощь на дорогу. Расспросы тоже стоят денег.

Агесандр вынул серебро и положил на камень. Гер невольно оценил вес. За день с дощечкой он получал меньше.

— Это до начала, — сказал Агесандр. — После — ещё втрое столько.

— Если найду. А если её сожгли?

— Узнаешь, кто и где. Дашь мне возможность проверить.

За слухи не доплачу.

— Вещи для тебя тоже искать?

Агесандр поглядел на свёрток у ног матери.

— Нож этой женщины ты мог бы принести. С ним человек ходил по морю. Он помог бы начать разговор.

Гер увидел костяной гребень, торчавший из ткани. Ещё утром это были вещи в чужом доме, а теперь женщина перебирала их по одной, когда огонь становился слишком ярким.

— Я ей отдал.

— Можешь попросить.

— Для твоего дела найду другое. Ей обещано всё, что было в свёртке.

Агесандр убрал руку, которой показывал на нож.

— Тогда начнёшь без него.

— И способ я сам выберу. Не хочу прийти куда-нибудь, а потом узнать, что надо ещё избить хозяина.

— Попросишь другой способ, если тебя не впустят.

— Сначала узнаю, что за дверь.

Незнакомец подождал.

— Я не возьму за тебя чужое обещание, — добавил Гер. — И своих людей приведу, только если сами захотят.

— Пока мне нужна дощечка. Остальное ты придумал сам.

— А если у того, кто её забрал, есть люди с ножами?

— Не подходи к ним без нужды.

— Если подойдут сами?

Агесандр посмотрел на него долго, без того раздражения,

которое Гер привык слышать после второго вопроса.

— Охраны я тебе не обещаю.

Гер опустил глаза на серебро. В его расчёте было место повозке, еде на дороге и плате за сведения. Человек с ножом там пока не помещался. Но такие люди стояли и у складов Ктесия; он сам видел, как пропускают одних и останавливают других.

— Тогда никто не должен идти туда просто потому, что я пообещал тебе.

— Не должен, — сказал Агесандр.

Гер прикусил щёку. Он уже хотел договориться обо всём, прежде чем узнает, что именно ищет. Обычно это помогало. В весе серебра и числе поездок было легче разобраться, чем в человеке на камне.

— Если дело окажется другим, я смогу отказаться?

— Откажешься. За несделанное вернёшь остаток платы. То, что истратил на оговорённый поиск, объяснишь. Если решишь, что я должен возместить тебе испуг, лучше не бери сейчас.

Гер посмотрел на деньги, потом на костёр. Незнакомец знал, как Лисий отпустил верёвку. Что ещё он мог знать? Гер хотел спросить о Дамасе, об отце, о матери, умершей, когда в их доме ещё был второй мешок зерна. Но перед ним мог стоять человек, уже прикинувший плату за каждый ответ. Он пока оставил вопросы при себе.

— А ты не знаешь, где она сейчас? Дощечка?

Агесандр качнул головой.

— Узнай ты.

— Сколько времени даёшь?

— Начни завтра. Через три вечера расскажешь, что сделал. Если ничего — тоже придёшь. Я не люблю искать человека, который искал для меня дощечку, а потом решил спрятаться от разговора.

Гер представил себя на повозке между корзинами, с чужим именем под одеждой. Ему было бы легче слушать, если бы незнакомец потребовал что-нибудь невозможное. Здесь почти всё уже случалось: заказчик ждёт, исполнителю нечего показать. Только этого заказчика нельзя было заставить долго стоять у запертых ворот.

Гер взял серебро. Оно оказалось тёплым от камня. Пока прятал, Агесандр сказал, где можно оставить весть для него: возле того же глинистого склона был низкий камень с глубокой трещиной. Через три вечера там будет человек, который выслушает отчёт. Найдётся сама дощечка — пусть Гер придёт вечером и назовёт найденное. Тогда заказчик постарается явиться сам. Гер хотел уточнить, что значит «постарается», но Агесандр уже смотрел в сторону костра.

— Как я узнаю твоего человека?

— Он скажет тебе, сколько имён было на дощечке. Сам не подсказывай.

Мужчина из гавани подошёл к матери. Они собирались проводить её обратно. Гер обернулся на движение и увидел,

как та пытается поднять чашку вместе со свёртком. Чашка выскальзывала.

Он подошёл, взял её и спросил, куда отнести. Женщина ответила. Когда Гер снова посмотрел на камень, Агесандра там уже не было.

Он проводил её до дома. По дороге спросил о вернувшемся мальчике с судна; она не знала, как его зовут. Гер обещал узнать имя, чтобы можно было поговорить. На этот раз не добавил, когда придёт. У порога поставил чашку, обнял ладонью её неровное дно, чтобы она не опрокинулась, и передал женщине.

У Иона он получил вторую половину платы и рассказал о неверной дощечке. Тот спросил, потребовали ли с матери ещё деньги. Гер ответил, что нет. О другом заказчике он заговорил не сразу.

Ион слушал, пока за воротами не стало темно. Потом велел сперва поесть. На вопрос, верит ли он, ответил:

— Тебе — да. Кто с тобой говорил, я не видел.

Гер попросил весы. Серебро они проверили вместе, отделив обе платы от того, что причиталось Эвбулу за чашки. Ион записал вес на своей дощечке. Это были обычные кусочки металла: один потемнел, на другом остался след резца. Гер провёл по нему ногтем. По деньгам невозможно было понять, у кого он теперь работает.

Гер доел хлеб и спросил о погребальной посуде у западной дороги. Ион знал человека, который её привозил; обе-

щал отыскать его утром. Пока Гер собирался уходить, рассказал ещё одну новость. Людям из бедного квартала скоро должны предложить переселиться: будто бы возле их домов скапливается дурная вода. О переселении говорили от имени Дамона.

— Куда? — спросил Гер.

— Этого мне не сказали.

Дома Мелитта шила ремешок на маленькой сумке. Гер сел рядом и взял лиру, прислонённую к стене. Он держал её за перекладину, пока сестра спрашивала о задержке. Потом рассказал о моряке и о человеке у костра. Серебро за поиск показал отдельно от дневной платы.

— За дощечку столько?

— За поиск.

Она провела пальцем по краю камня, на котором лежали деньги, не дотрагиваясь до них.

— И ты уже знаешь, как её найти?

— Утром начну.

Мелитта взяла свою работу. Гер подтянул струну, ослабевшую за день, и сыграл начало песни Ликона. Дальше должны были идти имена. Первое он помнил. На втором запнулся, вернулся назад и попробовал снова.

Сестра подождала, пока он вспомнит.

Глава 7 Двор который обещали очистить

Двор признали пустующим. Жильцов собирались известить после выселения.

На третий вечер Гер пришёл к камню с трещиной и некоторое время стоял возле него, выбирая, с чего начать. Ничего не нашёл — это было самое короткое начало. Оно же не объясняло трёх дней, за которые он обошёл склады, дважды разбудил возчика и узнал, что посуду для тех пяти погребений привозили вместе с чашами, оставшимися после чужого пира.

На другой стороне камня сидел мужчина, подкладывавший хворост в погребальный костёр Лисия. У ног лежала связка сухих ветвей.

— Пять имён, две строки стёрты, — сказал он. — Мне велено тебя выслушать.

Гер рассказал. Человек, оставлявший дощечку, передал её помощнику, помощник отнёс вещи в город, а в городе их сложили под навесом, который уже разобрали. Где держали посуду потом, никто пока не сказал. На расспросы и дорогу ушла часть аванса; остальное Гер принёс с собой. Служитель хотел взять мешочек для счёта. Гер развязал его сам, показал серебро и убрал обратно.

— Продолжишь? — спросил служитель.

— Продолжу. Только обещать, что завтра принесу, не могу.

— Передам.

Гер затянул шнур. Служитель выслушал всё и собирался уходить, а Агесандра на дороге так и не было. Вопросы о родителях пришлось опять оставить при себе. Зато о Лисии Гер теперь мог рассказать сам: мальчик с судна подтвердил, что держал другой конец верёвки. К матери покойного пошёл лишь со второго раза. Пришлось ждать его у ворот, пока он собирался войти.

— Она выслушала? — спросил служитель.

— Да.

— Хорошо. Я ей вчера дров отнёс. Она всё ту чашку переставляла.

Гер ушёл, оставив человека со связкой ветвей у камня. Хотел оглянуться на повороте, но удержался: служителю тоже нужно было возвращаться к работе.

* * *

Агесандр поднялся от нижней тропы, когда шагов Гера уже не было слышно. Служитель встал. Связку ветвей оставил на земле.

— Дощечку принесёт, — сказал он. — Часть серебра истратил. Я спросил, возьмётся ли дальше.

— Он обещал принести?

Служитель провёл ладонью по затылку. Пальцы зацепи-

лись за сухую хвою, застрявшую в волосах.

— Сказал, что продолжит. К завтрашнему дню не обещает.

— Тогда так и передавай. Своего к его словам не прибавляй.

Служитель поднял ветви и пошёл к дороге. Агесандр остался у камня. Опустился на одно колено и приложил ладонь к земле возле трещины. Мужчина замедлил шаг, но смотреть не стал. В этом месте покойных не хоронили.

* * *

Поиск Гер продолжал и зимой. К камню приносил короткие отчёты; иногда его ждал служитель, иногда приходилось возвращаться на следующий вечер. Снова увидеть Агесандра не удалось. К весне нашлись люди, помнившие перевозку, но сама дощечка словно переезжала из одного вчерашнего места в другое; Гер уже научился спрашивать свидетеля не только о том, куда её увезли, но и откуда тот это знает.

А весной во двор пришли люди Дамона.

После ночного дождя вода собралась у стены, где Мелитта обычно сушила вымытые ремешки. Теперь они висели выше; под ними плавали соломинка и дохлая муха, а между камнями шевелились мелкие пузырьки. Пройти к выходу можно было по узкой сухой полосе. Человек, нёсший дощечки, ступил прямо в лужу и остановился, разглядывая свой след с таким выражением, будто двор только что оскорбил его лично.

Дамон прошёл следом. Сандалии у него были лучше, и

путь он выбрал сухой.

Гер сидел на корточках возле сосуда для воды: Мелитта держала верёвку, пока он менял истёртую петлю. За зиму сестра вытянулась; рукава пришлось удлинить полосками другой ткани. Теперь она сама говорила с покупателями Тесиллы, считала небольшие заказы, а по вечерам училась разбирать имена, которые люди выцарапывали на глине и дереве. Когда чего-нибудь не понимала, спрашивала. Если Гер пытался спросить за неё, она оттесняла его плечом и задавала вопрос сама.

— Сограждане, — начал Дамон.

Гер затянул узел и поднял голову. Дамон редко называл его так, когда приходилось договариваться о цене чашки.

К воротам стянулись соседи. Тесилла вышла с иглой в руке, Миррина придерживала дверь плечом; из-за неё выглянул подросший Никон, который успел увидеть Дамона раньше остальных и теперь пытался понять, велят ли ему уйти. Филон подошёл с улицы, волоча пустой мешок. Он собирался за заработком к гавани, но остановился возле Гера.

— Мы все видим, в каких условиях живут здесь дети, — продолжал Дамон. — Вода стоит под ногами. Дома сырые. Нездоровье отсюда идёт дальше, и город не может бесконечно оставлять это без внимания.

— Вода третий год стоит, — сказала Тесилла. — Мы просили расчистить сток.

— Именно поэтому я здесь.

Помощник раскрыл свёрток с дощечками. На каждой были вырезаны несколько строк и оставлено место внизу; он провёл по первому свободному краю большим пальцем, проверяя, нет ли заусенца.

Дамон говорил спокойно, почти ласково. Жителям предлагалось принять помощь для переселения: зерно, перевозку вещей, содействие тем, кому трудно идти самим. После ухода людей двор можно будет осушить и очистить, а пока торговец обещал не оставлять бедных без поддержки. Гер слушал, прикидывая, какая часть этой речи касается воды, а какая — земли под домами.

— Куда переселять? — спросил он.

— Место готовят.

— Какое?

— Удобное для города.

Филон поднял свой мешок.

— Мой тоже удобен для города. Всё равно пустой.

Кто-то засмеялся. Дамон переждал, сохранив на лице улыбку, и велел помощнику прочесть условия. Тот читал быстро. Принимающий помощь подтверждал, что уйдёт в назначенный день, не станет препятствовать очистке и позволит распорядиться тем, что не сможет вывезти. Последняя строка была длиннее остальных; помощник почти проглотил её конец.

— Подожди, — сказал Гер. — Чем распорядиться?

— Оставленным имуществом.

— А если человек не успел погрузить станок? Или ему не дали повозку?

— Помощь будет оказана по возможности.

Гер протянул руку к дощечке. Помощник передал её неохотно, придерживая за другой край, пока Дамон не кивнул. Знаки были знакомы, но некоторые слова Гер прочёл только со второго раза. Спорить на слух уже не хотелось: вчерашнее обещание легко делалось сегодняшним недоразумением, если его хозяин говорил громче тебя.

Мелитта подошла ближе.

— Где будет написано новое место?

Помощник показал на пустую часть дерева над местом для знака.

— Здесь. Когда определят.

Она поглядела на конец дощечки, потом на Гера.

— Значит, уйти обещают сейчас, а куда — вы напишете потом?

Миррина отпустила дверь. Во дворе сразу стало тише.

— Девочка правильно заметила, что ещё не всё готово, — сказал Дамон. — Мы и не скрываем. Я не хотел ждать, пока здесь заболеет кто-нибудь ещё. Можно начать помогать сегодня.

— И зерно сегодня дадите? — спросил мужчина за плечом Тесиллы.

— Тем, кто согласится.

Гер почувствовал, как изменилось внимание людей. До

этого они слушали о домах; теперь несколько человек смотрели на свёрток помощника так, будто зерно уже лежало под дощечками. У Тесиллы на губах появилась складка. Она знала, сколько осталось в соседских мешках, и Гер знал: некоторые возьмут помощь, даже если прочтут каждое слово.

— Мы поговорим между собой, — сказал он.

Дамон посмотрел на него.

— Ты можешь поговорить. Остальные могут решить без тебя.

— Могут. Тогда оставь условия и назови день, раньше которого никто не придёт разбирать дома.

— О дне сообщат отдельно.

— Периандр уже знает, какие дворы ты собрался чистить?

Вопрос получился резче, чем Гер хотел. До этой минуты торговец говорил о городе, но ни разу не показал, кто поручил ему говорить за город. Помощник отвёл взгляд к воротам. Дамон остался неподвижен.

— Я знаю, с кем нужно договариваться, — ответил он. — Тебе советую научиться тому же. Чашки — ещё не весь Коринф.

Гер почувствовал, что задет, и едва не ответил про чашки, цену которых Дамон когда-то пытался уменьшить уже после обжига. Однако во дворе ждали другого. Он вернул дощечку и попросил оставить одну для чтения.

— Только не портить, — сказал помощник.

— Она и так не закончена, — ответила Мелитта.

Дамон ушёл не сразу. Он обошёл лужу, поговорил с двумя мужчинами, обещал прислать зерно и заметил, что воду из местного колодца пока лучше не брать. Его люди собирались поставить возле него ограждение, чтобы никто по неведению не повредил себе. Гер слушал этот разговор с нарастающим раздражением: человеку, который собирался закрыть воду, недоставало всего нескольких слов о том, откуда принести другую.

— Значит, привезёте чистую? — спросил он.

— Тем, кого будем перевозить, всё необходимое дадут.

— А до этого?

Дамон поправил плащ.

— Не затягивайте решение.

После его ухода соседи заговорили разом. Кто-то велел Никону сбегать за женой каменщика, кто-то спрашивал, останется ли здесь печь; мужчина, первым заговоривший о зерне, уже сердился на тех, кому, по его мнению, легко было отказываться. Гер не сразу понял, к кому обращается его ругань: к торговцу или к ним.

Тесилла всё ещё держала иглу. Уколола себе палец, вытерла о край ткани и только тогда убрала её.

— Дадут зерно — надо брать, — сказала она. — Голодный ребёнок не станет ждать, пока мы научимся читать.

— А пустое место потом чем угодно заполнят, — возразила Миррина.

— Я видела.

Гер поднял дощечку, пытаясь остановить спор, но Филон уже влез между ними с предложением прежде найти повозку: если её вообще нет, говорить об оставленных вещах рано. Разговор пошёл дальше, и Гер впервые за утро ощутил страх. Не перед Дамоном. Перед тем, как быстро люди могут разойтись каждый со своей нуждой, пока он держит чужие условия и думает, что успеет им что-нибудь объяснить.

Он попросил не ставить знаков до вечера. Не все согласились. Один мужчина сказал, что вечер Геру ничего не стоит, а ему ещё надо кормить дом, и ушёл следом за помощником Дамона.

Гер не побежал за ним.

Мелитта вернула сосуд к стене и спросила, когда он пойдёт к Эвбулу. В мастерской его уже ждали. Они выбрались из двора вместе, обойдя длинную лужу; у следующего дома кто-то вывесил свежую ткань, и вода с её края капала прямо на пыльные сандалии прохожих.

— Я поговорю с возчиками, — сказал Гер. — Воду можно брать дальше и привозить сюда. Если поставить большие сосуды, не придётся каждому ходить отдельно.

— Кто заплатит?

— Понемногу соберём. Часть дам я.

— Из тех денег?

— Нет. Эти на поиск. У меня есть свои.

Мелитта шла рядом, придерживая дощечку под одеждой. Она хотела прочесть её ещё раз с тем, кто разбирал слова

лучше Гера. Он согласился спросить Эвбула. Потом вдруг вспомнил предложение, которое собирался принести домой ещё вчера: торговец посудой искал человека для дороги в Афины, а с Эвбулом можно было условиться о поставках. Если Гер хорошо справится, появится работа и на другой конец пути.

— Он нас обоих возьмёт, — сказал Гер. — Я уже спрашивал. Выйдет после того, как соберёт товар. Есть время.

Мелитта остановилась.

— Когда ты спрашивал?

— На прошлой неделе.

Она молчала. Он хотел объяснить, почему не заговорил сразу, как прикидывал заработок, искал для неё место и собирался рассказать, когда всё станет яснее. Вместо этого спросил:

— Ты не хочешь?

— Я хочу сначала знать, где буду жить и что там делать. Ты Дамону об этом говорил.

От этой простой фразы Гер почувствовал себя так, будто снова стоял перед соседом, отказавшимся ждать до вечера. Только теперь дощечки у него не было.

— Сходим к торговцу вместе, — сказал он. — Говорить будешь сама.

— Только не начинай отвечать за меня.

— Не начну.

В мастерской Эвбул выслушал его, не оставляя начатого

сосуда. Потом вытер руки, взял дощечку у Мелитты и прочёл медленнее, чем помощник Дамона. Несколько слов Гер повторил. Теперь он слышал их по отдельности, и пустое место над знаком казалось ещё шире.

— Это не условие о новом жилье, — сказал гончар. — Здесь человек обещает уйти. Больше я из этого дерева не узнаю.

— А можно дописать самим?

— Можно. Если с тем, кто обещает жильё, договорились и он признаёт написанное. Ты знаешь, с кем договариваться?

Гер покачал головой.

Эвбул вернул дощечку. На просьбу о сосудах для воды он согласился, но сразу показал, какие можно взять: большие, старые, пригодные для хранения, с оббитыми краями. Каждый надо было сначала проверить. Соседям они доставались во временное пользование; если Гер увезёт их в другой двор или продаст, гончар спросит уже с него.

До полудня Гер работал. Это оказалось труднее, чем в день погребения: мысль о дворе возвращалась каждый раз, когда он опускал руки в воду, и приходилось заново вспоминать, что обещано здесь. Эвбул не стал подгонять, но и отпустить раньше не предложил. Только после того, как последняя партия посуды была уложена, Гер смог заняться чужими возами.

Ксенона он нашёл на дороге у винной лавки. Возчик привозил воду для её хозяина, а затем шёл обратно почти налег-

ке. Сейчас он отвязывал большой сосуд от борта и с явным удовольствием предлагал хозяину самому подержать второй край, если тот хочет продолжить спор о плате.

— Я на обратном пути заберу воду для нашего двора, — сказал Гер, дождавшись расчёта. — Твои обычные деньги останутся. Мне скажи, сколько возьмёшь за поворот к нам и разгрузку.

Ксенон оглядел его и спросил, сколько дворов. Гер назвал один.

— Если их станет три, цена тоже вырастет. И кувшины на возе сами не держатся.

Гер согласился искать помощника. Они прошли маршрут до конца: где свернуть, кто встретит, чем наполнять сосуды, когда платить. Ксенон хотел получить всё до поездки; Гер предложил часть сейчас, остальное после первой доставки, когда соседи увидят воду и дадут свою долю. Возчик подумал и назвал цену повыше. Они поторговались ещё немного.

— Ты много обещаешь, — сказал Ксенон, наконец принимая серебро.

— Я плачу.

— Это хорошее обещание. Остальные проверим завтра.

С Филоном Гер договорился вечером. Тот успел поработать у гавани, принёс домой хлеб, а теперь сидел, опершись спиной о стену, и не собирался вставать до тех пор, пока его не позовут за чем-нибудь стоящим. Он выслушал, сколько ему дадут за помощь, спросил о дороге и согласился.

— До источника? Не к морю?

— Не к морю.

— Тогда на твою долю опасностей меньше.

Дорида подошла, когда они уже прикидывали время. Она слышала о приходе Дамона от покупателей и хотела посмотреть на дощечку. Мелитта принесла её, но Дорида читать не стала: спросила, где торговец держал зерно, кому обещал выдать первым и что сказали тому, кто не захотел соглашаться.

— Он потом придёт сюда? — спросила она.

— Завтра присылает людей.

— Я утром останусь у источника. Узнаю, кому ещё такое предлагают. Днём мне надо торговать, так что не рассчитывай на меня до вечера.

Гер кивнул. Ему хотелось сразу попросить ещё нескольких женщин сходить в соседние дворы, но он остановился и сначала объяснил Дориде, что именно собирается выяснить. Та предложила другой источник сведений: не тех, кто получит зерно, а работников, которым уже поручили чинить возы для переселения. Они могут знать, куда поедут.

Во дворе тем временем собрали место под воду. Мужчина, сердившийся утром из-за зерна, не вернулся, зато Миррина принесла крышку для одного сосуда и помогла вымыть второй. Тесилла собрала небольшую плату с тех, кто мог дать. Кто не мог, обещал встречать воз, переносить воду, следить, чтобы крышки не оставляли на земле. Деньги сходились не совсем так, как Гер рассчитывал, но на первый день хватало.

Когда сосуды поставили к стене, соседи начали спрашивать, надолго ли он всё устроил.

— Пока договариваемся на несколько поездок, — ответил Гер. — Потом посмотрим.

— А дома?

Он поднял голову. У ворот стоял Никон, за ним ещё двое. Вопрос пришёл оттуда, но через мгновение его повторили возле Тесиллы, и все опять слушали Гера.

— Сначала пусть скажут, куда нас ведут. До этого я им здесь ничего не дам разбирать.

— Ты не дашь? — спросила Миррина.

Гер услышал сомнение, и у него появился ответ ещё до того, как он успел подумать. Он назвал Ксенона, сосуды, соседей, которые помогают, Эвбула, который прочёл условие. Слова шли быстро; уверенность собиралась из вещей, уже сделанных за день, хотя ни одна из них не могла остановить Дамона у ворот.

— Мы разберёмся. Никого не увезут просто так. Я обещаю.

Филон перестал поправлять верёвку. Мелитта стояла возле стены, и Гер видел её лицо, но не посмотрел прямо: остановиться сейчас казалось ему хуже, чем оставить обещание в воздухе. Людям нужно было спокойно прожить эту ночь. Он очень хотел дать им такую возможность.

Тесилла первой начала снова двигаться. Попросила убрать крышку с прохода, отнесла деньги домой, а уходя,

сказала, что теперь хотя бы детей не придётся тащить куда попало. За ней разошлись остальные. Гер остался у пустых сосудов, слушая, как в соседней комнате укладываются спать.

— Мы завтра к торговцу пойдём? — спросила Мелитта.

— Нет.

— Почему?

— Не могу сейчас уехать.

Она подождала. Гер начал было объяснять про воду, но сестра спросила, не сможет ли Филон встретить воз без него. Конечно, смог бы. Дорида также умела разговаривать с возчиками; Тесилла уже собирала плату лучше, чем получилось бы у Гера. Только обещание о домах они за него не давали.

— Хочешь идти к торговцу — я пойду с тобой, — сказал он. — Но сам останусь.

Мелитта убрала иглу в маленький мешочек. Было темно, и Гер слышал, как она перебирает вещи, прежде чем нашла нужный край.

— Я тоже останусь. Пока мы не знаем, что они здесь напишут.

Она взяла дощечку. В комнате Гер сел у лиры, поднял плектр, потом снова положил. Ему предстояло рано встать; он мог бы сыграть совсем немного, не мешая сестре, но в голове уже шла дорога завтрашнего воза, и на ней всё время появлялись люди, с которыми ещё не договорились.

Первая вода во двор попала утром. Ксенон привёз

несколько полных сосудов, Филон помог разгрузить, Миррина отнесла чашку старой соседке, которая сама уже редко выходила к источнику. Дети толпились у стены, пока Тесилла не велела одному придерживать крышку, другому — перестать испытывать пальцем глубину. Гер пил, стоя между двумя большими сосудами. Вода была прохладной, без запаха лужи.

Ксенон получил остаток платы, Филон — условленное за помощь. Они условились, что завтра Ксенон привезёт больше: утренней воды хватило напиться; для мытья, работы и еды нужно было ещё. Пока возчик затягивал крепления, Тесилла собрала следующий взнос; Гер добавил недостающее, и они рассчитались за новую поездку заранее. Соседи разошлись за работой. Несколько человек пошли посмотреть, что стало с колодцем: возле него уже натянули верёвку, поставили человека и велели ждать очистки.

А наутро воз не приехал.

Гер сначала ждал у ворот. Потом вышел на дорогу, дошёл до поворота и увидел Филона. Тот шёл навстречу один.

— Воз там, — сказал он. — Ксенон не хочет вести осла между копьями.

— Чьими?

Филон посмотрел на него.

— Ферона.

У прохода возле складского двора стояли трое. Они оставили достаточно места для человека с корзиной, но воз через

него уже не проходил: поперёк лежала жердь, а за ней кто-то выкатил камень. Ксенон держал осла под уздцы и молчал. Сосуды были полны; один чуть качался, вода выступила из-под пробки и бежала по тёмному боку.

Леонт стоял ближе всех к жерди.

За два года он стал шире в плечах. Бороду подрезал коротко, ножны держались на хорошем ремне, плащ был застёгнут так, чтобы не цеплялся за руки при ходьбе. Гер видел его и прежде, но почти всегда на расстоянии. Теперь идти дальше означало сперва поговорить с ним.

— Нам во двор, — сказал Гер. — Ты знаешь куда.

— Возы здесь не идут.

— Вчера шли.

— Сегодня не идут.

Филон встал рядом. Леонт сразу перевёл на него взгляд, будто с ним легче было говорить, но тот только спросил:

— Вода кому мешает?

— Проход закрыт. Разбирают стену.

Гер посмотрел на склад. Возле стены сидела ящерица; молотков не было слышно, каменщики не появлялись. За спиной Леонта прошёл человек, нёсший два небольших кувшина. Его пропустили.

— Мы привезём воду и уйдём, — сказал Гер. — Осёл до стены не достанет, обещаю за него. За людей сам спроси.

Один из стоявших возле камня усмехнулся. Леонт не улыбнулся.

— Ты слышал.

Гер подошёл ближе, понизив голос. Он не собирался спорить перед остальными, не хотел опять выставить Леонта смешным. Но дружеское расстояние, с которого он привык говорить, теперь осталось по другую сторону жерди.

— Сколько ждать?

— Пока скажут.

— Кто скажет?

Леонт наклонил голову в сторону человека возле камня. Тот был старше и держал копьё поперёк ладони, даже не стараясь изображать охрану работ.

— Людей оттуда переселяют, — сказал он. — Зачем туда воду возить? Для них всё приготовят. А вы задерживаете дело.

Вот этого Гер не ждал.

Он посмотрел на воз, на мокрую полосу под пробкой, на Ксенона, который всё это время стоял, опустив руку на ослиную шею. Хорошая, выгодная поездка: никто не обманут, вода взята там, где её давали, хозяин винной лавки получил своё, соседи складывались добровольно. И именно эту поездку остановили.

— Мы задерживаем жажду, — сказал Гер.

— Тогда идите за водой сами. С маленьким сосудом пропущу.

Филон двинулся к жерди, но Гер придержал его за плечо. Ксенон уже разворачивал осла.

— Я не нанимался сюда воевать, — сказал возчик. — Вода оплачена, довезти не дают. Где выгрузить, решай сейчас: долго держать полный воз посреди дороги не стану.

Гер назвал двор Эвбула. Туда можно было вернуться, не проходя через заграждение. Филон пошёл с Ксеноном. Сам Гер остался ещё на несколько мгновений; хотел спросить Леонта, кому он теперь помогает, но вспомнил, как легко такой вопрос делает ответ невозможным при свидетелях.

— Если будут пускать, передай Филону, — сказал он.

Леонт промолчал. Человек с копьём велел Геру отойти.

К середине дня они перенесли часть воды вручную. Эвбул позволил оставить большие сосуды у себя, чтобы не возить их ещё раз; соседям пришлось ходить с меньшими, сменяя друг друга на дороге. За одну ходку получалось мало. Тесилла держала крышку над запасом во дворе и старалась не смотреть, сколько людей осталось возле неё после того, как Гер раздал воду детям и старикам.

— Значит, завтра опять идти? — спросила Миррина.

— Я найду другую дорогу.

Гер сказал это прежде, чем успел проверить, есть ли такая дорога для воза. Потом добавил, что будет искать сейчас. Соседка кивнула, подвинула свой сосуд, и он заметил, что она даже не спросила, как именно: вчера он обещал разобраться, сегодня от него уже ждали, что он знает.

Дорида вернулась со сведениями о повозках для переселения. Возы чинили. Работникам ещё не называли место, ку-

да повезут людей, зато велели подготовить верёвки для груза, который останется без хозяев.

Гер слушал, чувствуя усталость, совсем не похожую на вчерашнюю. Тогда он торговался и строил удобный путь. Сегодня нужно было узнать, кто решил, что удобного пути у них быть не должно.

— Через дворы за торговлей лошадьми можно пройти, — сказала Дорида. — Я хожу там с корзиной. Воз не водила.

— Покажи.

Мелитта стояла у сосуда, принимая крышку из рук Тесиллы. Гер задержался возле неё и сказал, где будет. Сестра попросила не брать с собой денег Агесандра. Он показал, что мешочек оставлен дома. На дорогу взял немного своего серебра и нож, которым обычно подрезал ремни.

У ворот Никон попросил его выяснить, пустят ли большой сосуд без воза. Гер ответил, что спросит, и хотел добавить, что всё скоро устроится.

Не добавил.

Дорида уже ждала на сухой полосе у стены. Они вышли вместе, а во дворе за их спиной снова подняли крышку: подошёл следующий человек за водой.

На улице Дорида переложила корзину в другую руку. На ладони краснела полоса от ручки.

— Вот бы вечером оставлять всё на месте, — сказала она. — Дверь закрыла и ушла.

— У кого?

— У себя. В лавке.

Гер посмотрел на корзину. Он привык, что Дорида появляется вместе с нею: гребни, ремешки, иглы, вещи, которые нужно кому-нибудь отнести. За закрытой дверью он её прежде не представлял.

— У Пирены?

— Если смогу. Там меня знают. Полки поставлю так, чтобы с порога всё было видно. А у двери скамью.

— Для покупателей?

— И для себя. Ты думаешь, я стоять люблю?

Гер уже собирался прикинуть, сколько товара войдёт на полки. Вместо этого спросил:

— А вечером что будешь делать?

Дорида пожала плечом.

— Сначала посижу.

Он засмеялся. Она тоже улыбнулась, но ответа менять не стала.

— Можно с лирой прийти?

— Днём мешать будешь.

— Я про вечер.

Она взглянула на него.

— Вечером приходи.

Гер хотел спросить, за еду или за серебро, и не спросил. Подхватил корзину за другую ручку. Дорида своей не отдала; они понесли её вдвоём. У первого поворота пришлось разойтись: между стеной и чужим возом едва оставалось ме-

сто. Она взялась обеими руками, Гер отступил, пропуская её вперёд.

Глава 8 Юноша и строптивая лошадь

Лошадь слушалась разумных доводов. При условии, что доводы не размахивали руками.

За дворами пахло нагретой кожей и конским навозом. Дорида шла вдоль оград, выбирая сухое место; Гер то и дело отставал, чтобы посмотреть на ворота. В одни воз Ксенона не вошёл бы даже без колёс. Другие открывались прямо к ступеням.

— Здесь я поворачиваю, — сказала она.

Из-за стены донёсся удар, затем крик. Дорида остановилась. Ещё один удар был глуше; кто-то выругался, и над низкими воротами показалась гнедая голова с распахнутыми ноздрями.

Во дворе стояли три лошади. Две прижались к дальней ограде, а третья пятилась к навесу, волоча кусок привязи. Молодой человек держал её у головы и пытался повернуть. Под ногами у него лежал обломок столба, из которого торчала железная скоба. Ремень зацепился за неё; всякий раз, когда юноша отводил лошадь, ремень натягивался, и она снова вскидывала голову.

Человек в чистом плаще кричал, что ему сломали двор. У ворот собрались зрители. Один уверял, что кобыле надо по-

казать палку, другой уже искал палку, чтобы доказать свою правоту.

— Уберите его, — сказал юноша, не оборачиваясь.

Никто не двинулся. Советчик нашёл древко и протиснулся вперёд.

Гер поймал его за локоть.

— Ты её купил?

— Нет.

— Тогда хозяин сам решит, сколько ему ещё хочется сломать.

Человек в плаще услышал. Он велел убрать палку, но не отойти: зрители были ему нужны, пока он перечислял убытки. Помимо столба, в них входили половина навеса и торговля за весь день, хотя навес ещё стоял, а покупатель у дальней лошади спокойно ощупывал ей ноги.

Гнедая шагнула вбок. Юноша шагнул следом, согнув руки в локтях. Гер заметил потемневшие полосы на его ладонях. Тот держал крепко, однако не дёргал лошадь к себе, и когда она на миг перестала метаться, голос его сразу сделался тише.

— Снизу ремень, — сказал Гер. — За скобой.

— Вижу. Не могу достать.

Гер присел за низкой поперечиной ограды. До скобы можно было дотянуться сбоку; между ней и ближайшим копытом оставалось слишком мало места. Он вынул нож, но юноша покачал головой.

— Не режь. Она рванёт. Дай мне сначала ослабить.

Дорида попросила людей у ворот пропустить её к тени. Пока они двигались, она стала расспрашивать торговца о другой лошади и увела за собой обоих самых громких советчиков. Покупать ей было не на что. Зато о цене они могли спорить до вечера.

Юноша подвёл гнедую чуть ближе к обломку. Ремень провис. Гер убрал нож, прижал кожу пальцем, вытянул угол петли из-за скобы и отступил. Резать ничего не пришлось. Лошадь сделала два быстрых шага, остановилась и повела ушами; молодой человек пошёл вместе с ней, давая оглядеть освободившееся место. Лишь тогда Гер выдохнул.

— Воды ей принеси, — велел юноша мальчику, который до сих пор держался за стойку навеса.

Торговец хотел возразить. Посмотрел на мокрую шею лошади и махнул рукой.

— Сначала мой столб.

— Я его поставлю, — ответил молодой человек.

— Новый поставишь. И за всё остальное уплатишь.

Теперь Гер смог разглядеть его как следует. Тот был высок, хотя ещё не вполне освоился со своим ростом: стоило повернуться, и плечо попадало туда, где минуту назад помещалось без помех. На шее висел шнурок без украшения. Короткий хитон был добротный, с заплатой у бедра; заплату положили изнутри, стараясь сохранить ткань. Лицо у него было красивое и очень сердитое. Под правым глазом крас-

нела свежая ссадина.

— Ты обещал, что она даётся вести, — сказал он торговцу. — Велел вывести за ворота. Потом твой человек хлопнул пологом у неё перед мордой.

— Я велел вывести, а не разнести всё.

— За столб я отвечаю.

— И за навес.

Юноша отпустил одну руку, сжав её в кулак. Гер уже видел, как легко удар ляжет в эту ссору: торговец отшатнётся, зрители радостно сбегутся обратно, а вода так и останется у Эвбула.

— Покажи, где навес сломан, — попросил он.

Торговец указал на край кровли. Гер посмотрел снизу, потом вышел наружу. Кровлю держали две другие стойки и стена; упавший столб служил только для привязи. Рядом виднелся старый деревянный клин, которым уже пытались укрепить скобу.

— Там трещина, — настаивал торговец.

— Здесь тоже. — Гер показал на землю. — Но за землю мы пока платить не будем.

Дорида отвернулась, спрятав улыбку. Молодой человек молчал. Гер потёр излом столба: снаружи светлая щепа ещё кололась, внутри дерево крошилось от ногтя.

— За новый заплатить придётся, — сказал он юноше. — И за то, чтобы вкопать. Только сначала узнаем сколько.

За соседней оградой продавали жерди. Оттуда привели

пожилого работника с теслом. Он осмотрел землю, постучал по обломку и назвал плату за дерево и работу. Вышло гораздо меньше того, что торговец успел потребовать при свидетелях.

— К вечеру будет стоять? — спросил Гер.

— Если этот длинный поможет вытащить старый.

Юноша кивнул.

Торговец ещё поговорил о потерянном времени. Гер дал ему выговориться, затем попросил показать, кто отказался от покупки из-за происшествия. Покупатель у дальней ограды сказал, что от покупки ещё не отказался, но скоро откажется, если ему не дадут проверить зубы. Спор стал мешать торговле гораздо заметнее, чем сломанный столб.

Деньги взвесили. Молодой человек отдал своё серебро работнику, при торговце, и вслух повторил, за что платит. Тот потребовал, чтобы гнедую вернули в дальний загон. Юноша сам провёл её туда, подождал, пока она наклонится к принесённой воде, и только после этого взялся за обломок.

Гер собирался идти дальше, но увидел, как деревяшка провернулась у него в ладони. Из скобы торчал загнутый конец гвоздя.

— Погоди.

Он подложил короткую жердь, и они вдвоём вывернули основание из сырой земли. Одна из прежних подпорок оказалась подгнившей. Торговец забрал железную скобу и отнёс её под навес. От дальнейшего разговора о кровле отказался.

Когда они вышли за ворота, Дорида сказала:

— Я всё-таки не купила лошадь.

— Он заметил? — спросил Гер.

— Надеюсь. Я сказала, что она мне нужна для корзины.

Молодой человек посмотрел на её пустую корзину. На секунду задумался, потом рассмеялся. Смех у него был неожиданно лёгкий. Ссадина натянулась, он поморщился и провёл ладонью по щеке.

— Беллерофонт, — сказал он. — А вас как зовут?

Гер назвал себя. Дорида тоже.

— Ты с лошадьми работаешь? — спросила она.

— Помогаю одному конюху. Хозяин попросил проверить эту: хочет купить. Теперь придётся объяснять про столб.

— Хорошо, что купил только столб, — сказал Гер.

Беллерофонт снова улыбнулся, но вскоре посерьёзнел.

— Спасибо. Я бы ударил его.

— Я заметил.

— И без тебя ремень снял бы.

Гер кивнул. Он вполне поверил: юноша сам заметил скобу и ждал, когда удастся ослабить ремень. Ему просто очень мешали люди.

— А зачем вам этот проход? — спросил Беллерофонт.

Дорида показала за ограду. Оттуда дорожка спускалась между дворами, которых Гер с большой дороги никогда не видел. Они прошли несколько шагов. Беллерофонт оставил во дворе ремень конюха и, обогнув загон, присоединился к

ним у деревянной калитки.

За калиткой сушили чеснок. Женщина поднялась с низкой скамьи, сразу прижала ногой край циновки и спросила Дориду, кого та привела. Дорида объяснила. Женщина пропустила их, предупредив, что обратно после заката уже не пройдут: засов закрывает её сын, когда возвращается с работы.

Гер измерил калитку шагом. Для осла места хватало, для воза Ксенона — нет. Дальше были три неровные ступени, а за ними узкий изгиб вдоль стены. Дорида легко прошла с корзиной. Они с Беллерофонтом остановились по разные стороны изгиба и попробовали повернуться, представляя между собой большой сосуд на жерди. Гер упёрся локтем в стену.

На локте осталась светлая полоса. Гер провёл по ней ладонью: стёртая обмазка крошилась сухой мукой. Выше из-под неё торчала солома, внизу стену держали неровные камни. У поворота Беллерофонту пришлось пригнуться под краем навеса. Дорида уже стояла по другую сторону ступеней и показывала, куда поставить переднюю ногу. С улицы всё это закрывала одна стена; теперь Гер видел, почему дорогу знали только те, кто здесь жил.

— Не с этой стороны, — сказал Беллерофонт. — Передний пусть сначала спустится. Потом поворачивать.

Они попробовали ещё раз. Получилось, хотя у Гера дёрнуло плечо.

По другую сторону стены начинался проход к двору Эвбула. Гер знал его выход, но раньше не проходил насквозь: из мастерской посуду вывозили на широкую дорогу. Теперь широкую охраняли.

На ровном месте Беллерофонт снова спросил о воде. Гер хотел ответить, что работы на час и ничего особенно трудного. В голову сразу пришло, где ещё пригодился бы такой помощник. Можно было бы отправить его к людям Ферона с купленной жердью, объявить, будто за ней идут ещё пятеро, подождать, пока охранники заговорят с рослым незнакомцем. Самому провести груз в стороне. Беллерофонт не успел бы понять, почему разговор начался с торговли, а закончился ножами.

Гер посмотрел на ссадину у него под глазом.

— Наш двор собираются выселить, — сказал он. — Предлагают зерно и возы, но не говорят, куда повезут. Колодец закрыли. Мы купили воду, а на дороге стоят люди Ферона. Воз они не пускают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.